

ВЛАДИМИР БЕЛЯКОВ

НОРИЛЬСКИЕ СУДЬБЫ

ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, МЕМУАРЫ

16+

Владимир Беляков
Норильские судьбы

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Беляков В. В.

Норильские судьбы / В. В. Беляков — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-99767-7

Герои повестей и рассказов – в основном бывшие заключенные Норильлага. Рассказы являются художественно-историческим описанием событий и основаны на воспоминаниях очевидцев, на их личном опыте и документальной хронике времен строительства комбината «Норильский никель». Рассказы повествуют о судьбе крепких духом людей, которых не щадила тюремная машина. Несмотря на все невзгоды, они не теряли надежду на лучшее и сохранили человеколюбие и веру в справедливое будущее. Все персонажи являются вымышленными собирательными образами, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

ISBN 978-5-532-99767-7

© Беляков В. В., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

П О В Е С Т И	5
Аника и Михай	5
Михай	5
Аника	6
Как тебя зовут?	8
Самый большой начальник	9
Встреча	10
Бартер	13
Костя	15
Возвращение	16
Черные флаги в год Черной змеи	18
Год черной змеи	18
Восстание	19
Начальник караула	21
Полковник МГБ	22
Открыть огонь!	25
Расстрел стачечного оплота	26
Послесловие	28
Каларгон	29
Предисловие	29
Часть 1	30
Часть 2	31
Часть 3	32
Часть 4	33
Часть 5	34
Часть 6	34
Часть 7	36
Часть 8	37
Часть 9	39
Часть 10	40
Часть 11	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Владимир Беляков

Норильские судьбы

П О В Е С Т И

Аника и Михай

Михай

Полярная зима, девять месяцев хозяйничавшая на просторах Таймыра, спешно сдавала свои позиции. Противостоять небесному светилу она уже не могла.

Солнце поднималось на востоке вверх. Чем выше, тем ярче и теплее становились его лучи. Они проникали внутрь ложбин и оврагов, где еще оставался снег, превращая его в мокрую кашу. Крушили многометровый лед, разрывая его на блестящие хрустальные иглы. Согревали тундру, возвращая жизнь в ее просторы. На западе солнце скатывалось вниз, остывая, катилось по горизонту, как бильярдный шар вдоль борта, и, не найдя лузы, снова поднималось на востоке.

Жизнь, кажется навсегда покинувшая все вокруг, снова возвращалась. Выпустили листву ива, ольха, можжевельник, зацвела смородина. Зазеленели иголки лиственниц. Скрученная и завязанная в узел карликовая березка, опираясь на багульник, распрямила ствол, протянув к солнцу ветки. Забушевала трава. Лайды ягеля, брусничника, голубики, морошки создали пестрый красочный ковер. Вдоль ручейков появились первые полянки жарков огненного цвета.

Озеро Пясино, наполняясь талой водой, раздвигало берега. Искрящаяся голубизной на солнце вода заполнила все пространство до горизонта. Многочисленные заводи, протоки, забитые глыбами льда, уже были не в силах удерживать его и выталкивали в озеро. Огромные ледяные торосы, сползая с берегов, освободившись из плена, почувствовав простор и свободу, успокаивались в воде и, подставляя холодные, ледяные бока под яркие лучи, начинали нежиться под блестящим солнцем. Согреваясь, таяли, превращаясь в стеклянные стержни, рассыпаясь с хрустальным звоном. Этот звон в безмолвной тишине тундры заполнил все пространство от берега до берега на десятки километров.

Лодка, выписывая виражи между льдинами, то и дело попадающими на пути, скользила по глади озера. Встревоженные стаи уток, гагар, чирков поднимались вверх и разлетались в разные стороны. Бакланы, облюбовав дрейфующие льдины, важно разгуливали на них. Неугомонные крачки криком оповещали о своем полете.

Мотор то и дело подбрасывало от попавших под винт кусков льда. Раздавался рев, винт начинал кавитировать, захватив воздух. С ударом об транец двигатель возвращался назад.

Михай, по прозвищу Молдаван, сидел на транце, держась за румпель, внимательно всматривался в воду. Матерился, когда лодка налетала на льдину. Сбрасывал обороты. Ждал, когда винт снова захватит воду, опять добавлял обороты, и лодка снова выходила на глиссирование.

Внутри лодки под накрытым брезентом лежали новый лодочный мотор, два ящика спирта, два ящика водки, рюкзак с продуктами, канистры с бензином.

Вот уже несколько лет, сразу после прохождения ледостава, он отправлялся на лодке из поселка Валёк на несколько дней по одному и тому же маршруту. Спускался вниз по реке Норильская, затем по озеру Пясино и уже из него, пройдя более ста километров, входил в речку Пясино. По берегам этой реки, протяженностью более восьмисот километров, были раз-

бросаны многочисленные временные станки, хозяйства и поселения местных промысловиков, рыбаков, оленеводов коренных национальностей.

Его цель – успеть первым, до появления в поселках заготовителей, произвести своеобразный бартерный обмен с местным населением, меняя спирт, водку на рыбу, пушнину, камус, унтайки.

Но, производя обмен «по справедливости», много навару не получишь. Зная слабость местных аборигенов к спиртному, для реализации своей цели он разыгрывал настоящие спектакли. И если в поселении находился хоть один из жителей, который вступал с ним в контакт и велся на первую кружку с водкой, успех был гарантирован. Срабатывала цепная реакция, подходили следующие, и через короткий период поселение валялось мертвецки пьяным. А он выгребал все, что ему хотелось.

К первому небольшому станку, состоящему более чем из десятка яранг и балков, подъехал уверенно. Здесь в самой крайней яранге жил человек, с которым они когда-то отбывали срок и часто пересекались на рабочих площадках Норильлага.

Михай был уголовником-рецидивистом, имел за плечами несколько ходок. За последний вооруженный грабеж был осужден по пятьдесят девятой статье – бандитизм. Приговор – пятнадцать лет.

Его знакомый был из политических. За «государственную измену и пособничество японской разведке», объявлен «врагом народа». Приговор суда – двадцать лет с поражением в правах, без права переписки.

Три года назад они случайно встретились здесь, за сотни километров от Норильска на берегу, где речка Черная впадает в Пясино. Тогда-то Михай узнал, что его знакомого местные уважительно называют Аника, что в переводе с нганасанского означает Большой.

Аника

Мужчине было уже за сорок. Славянской внешности, крепкого телосложения, под два метра ростом на фоне аборигенов он действительно казался великаном. Никто из местных не знал, кто он был на самом деле, откуда и каково его настоящее имя.

На временной стоянке у озера Половинное он появился в конце ноября 1953 года. Вспыхнувшее норильское восстание после того, как сержант Дьяков через зону открыл огонь из автомата по сидевшим на крыльце лагерного барака заключенным, было давно подавлено. В 3-ем «каторжном» отделении, где он сидел, как и по всему Норильлагу, продолжались аресты, избияния, допросы. К имеющимся срокам добавлялись новые. К двадцати годам по приговору, ему как участнику мятежа грозила высшая мера. Вот он и задумал побег.

Мало кто решался на такую авантюру. И не потому, что за побег срок увеличивался на десять лет, а за повторную попытку – приговор к расстрелу.

Сам побег в бескрайнюю тундру, да еще зимой означал смертный приговор самому себе и звучал как самоубийство.

Терять было нечего. Из двух зол все одно – смерть. И он решился. Ждал, когда представится удобный случай.

И вот такой момент настал. Его и еще около двадцати заключенных временно перевели на угольный разрез Кайерканского лаготделения, где загружались, формировались вагоны с углем для Норильска и Дудинки.

Две последние недели октября держалась ясная морозная погода. Ночью температура опускалась ниже двадцати пяти градусов. Затем подул южный ветер, мороз ослаб, началась пурга. Снег более суток падал сплошной стеной. Усиливающийся ветер наметал метровые сугробы, закрывая собой стальные жилы железнодорожных путей.

Отделение бросили на расчистку переезда Кайеркан – Угольный разрез. За поездом прицепили вагончик – теплушку. Впереди шли заключенные лопатами разгребая сугробы. Ветер дул с такой силой, что вырывал из рук лопаты, сдувал с насыпи. Замерзнув, заключенные залезали в теплушку, их меняла следующая бригада. Так поезд двигался вперед. Охрана, пригревшись, сидела у «буржуйки» и криками заставляла торопиться меняющихся, чтобы сохранить тепло в вагончике.

Тех, кто, обессилев, отставал, падал и не мог самостоятельно взобраться, не ждали, бросали. Останки людей собирали потом, ближе к весне, грузили на платформы и отправляли в Дудинку, где их на санях, телегах по льду везли на остров Кабацкий и там сгружали. Весной в половодье сотни безымянных трупов уносило вниз по течению Енисея.

В эту расчистку в теплушку он не вернулся. Завалился набок, скатился с насыпи. Бежал, захватив с собой самодельный нож и спрятанные в хлебном мякише спички. Держал направление в сторону речки Амбарная, чтобы по ее берегу добраться до озера Пясино. Ориентиром служил южный ветер, ударяющий и подгоняющий в спину.

Вдоль озера, протяженностью более семидесяти километров, по рассказам заключенных, находились рыбацкие и охотничьи избы. В них по принятым традициям охотников и рыбаков всегда оставались продукты, дрова, одежда.

Через три часа он вышел на первую избу. Скорее всего, это была землянка, врытая в берег, с бревенчатым накатом из лиственницы. В ней нашел старые самодельные лыжи, продукты питания. Отлеживался несколько суток. Днем изучал местность, запоминал ориентиры. Когда закончились продукты и дрова, пошел дальше.

Так, передвигаясь от избы к избе, он две недели шел вдоль озера Пясино.

Выйдя в очередной раз, из-за сильного внезапно поднявшегося ветра и плохой видимости сбился с пути, потерял основной ориентир – берег. Ушел на север и, когда силы стали его покидать, вышел уже на другое озеро Половинное и пошел по льду.

Ветер со снегом усиливался. Передвигаться приходилось практически на ощупь. Два раза провалился в наледь. Валенки пропитались водой и превратились в ледяные ступы. На лыжи налип мокрый снег. Портянки промокли, ноги ооченели. Снежной кашей залепило лицо, глаза. Грудь и подбородок покрылись ледяной коркой. Силы покидали его, наступила апатия и чувство обреченности. Мысленно он уже смирился с безысходностью, когда споткнулся о замороженный в лед деревянный кол. Упал прямо в не успевшую замерзнуть смотровую лунку. Ватник промок насквозь. По телу и ногам вода ручейками скатывалась вниз, наполняя валенки. От колышка под лед уходила веревка. Это были прогоны с рыболовными сетями. Значит, где-то рядом должны быть люди. С последними усилиями он начал передвигать ноги, с пудовыми наростами наледи на лыжах. Сил уже не оставалось. Сбросил лыжи и, проваливаясь в снег, прошел несколько сотен метров вдоль берега, когда отчетливо услышал лай собак. Он вышел на одну из четырех стоящих здесь яранг.

В жилищах временного поселения остались лишь женщины и дети. Часть мужского населения погнала стада оленей на юг. Другая часть, закончив летнюю путину, перебралась в основные поселения готовить снаряжения для зимнего промысла пушнины. Женщинам предстояло до декабря заготавливать рыбу, занимаясь подледным ловом.

С утра дул пронзительный южный ветер, порывы временами усиливались, рождая гул и грохот. Черные облака с огромной скоростью проносились над ярангами, засыпая их влажным тяжелым снегом. К вечеру пурга разбушевалась еще сильнее.

Вдруг на окраине станка появился огромный, обвешанный лохмотьями призрак. Шатаясь, припадая на колени, проваливаясь в снежных сугробах, он направился к ближайшей яранге. Собаки, поджав хвосты, подняли истерический лай, потом лай перешел на визг. Женщины, похватав кто пешню, кто ружье, с опаской начали выглядывать наружу. Призрак, обойдя

ярангу, наконец, нашел вход, протиснулся в полог, ввалился внутрь и упал на оленьи шкуры. Две женщины в испуге спрятались у печки, прижавшись друг к другу. Долго подойти близко никто не осмеливался.

Как тебя зовут?

Проснулся он через несколько часов. Запах оленьей шурпы, заполнивший пространство внутри, растолкал его. Открыв глаза, увидел, что его валенки, разрезанные по голенищам, и ватник валяются мокрым бугром у входа. На клочке тряпки, пришитой на груди ватника, хорошо просматривалась надпись, сделанная химическим карандашом – «З-е отд», и какие-то цифры.

Сверху неожиданный гость был накрыт мягкими, хорошо выделанными оленьими шкурами. В тусклом свете коптящего каменного жирника увидел двух нганасанок. Одна, ловко орудуя ножом, доставала из котла горячие куски мяса и бросала на небольшой столик, застланный перевернутой мехом вниз шкурой. Другая, что-то мурлыча себе под нос, суежилась у металлической буржуйки, на которой стоял закопченный чайник. Из носика вверх поднимался горячий пар. Увидев смотрящего на нее незнакомца, подошла, осторожно присела напротив, произнесла:

– Пыдар ним амге?

Мужчина не понял, о чем его спрашивают, приподнялся, встал на колени и начал оглядывать ярангу. Первая положила нож и тоже подошла ближе, с интересом всматриваясь в мужчину, перевела:

– Она спрашивает, как тебя зовут?

Незнакомец промолчал.

– Аника. Бенкэуиу? – продолжала задавать вопросы женщина на непонятном ему языке, все также сидя на корточках.

Первая укоризненно посмотрела на подругу, но перевела.

– Она спрашивает, Аника бежал тюрьма?

– Разве так убегают!? Я уползал!

Женщина поднялась, подошла к буржуйке. Вернулась обратно и протянула гостю кусок мяса и кружку с горячей шурпой.

– Аника! Немсуо колы бахи.

– Аника! Ешь, однако. От мяса сыт будешь. Суп оленя сила дает. Хворь угоняет, – продолжала переводить первая.

– Я Сянуме. Она Аня. Сестра моя. Мы здесь живем.

– Сянуме!? Язык сломать можно. Я буду звать тебя Настя.

Он подтянул на плечи оленью накидку. Сел и руками обхватил голые ноги. Аня подошла и бережно положила ему под ступни половичек из оленьих лобиков.

– Спасибо! – сказал он.

Растирая руками ноги и вопросительно посмотрев на женщин, спросил:

– А почему Аника?

– А большой ты, однако. Огромный. По-нашему значит – Аника!

Скоро все жители станка заполнили ярангу, чтобы посмотреть на пришельца. Потом начали подбирать ему одежду. Но все, что не приносили, было мало. В парку, куртку из шкур оленя, он не влез. Малица, длинная верхняя одежда, сшитая мехом внутрь, едва прикрывала колени. В бакари (сапоги из камуса) нога вошла лишь наполовину.

– Шить придется, – сказала Сянуме и заулыбалась – Малица два оленя совсем мала. Еще два, однако, брать надо.

На следующий день весь поселок был занят одеждой для Аники. Кто мездрил шкуры, кто кроил, кто шил. Так незнакомец остался в этом временном поселении.

В середине декабря после завершения зимней путины женщины, разобрав яранги, уложили скарб в грузовые нарты, и олени аргиши цепочкой растянулись по тундре, направляясь к постоянному месту обитания в небольшой поселок на берегу реки Черная.

Самый большой начальник

Весной вернулись мужчины, пригнав стада оленей. С ними вернулся и муж Сянуме. Зайдя в ярангу и увидев в ней незнакомца, он сначала опешил, а потом с криком набросился на жену, схватил ее за волосы и волоком вытащил из яранги. В кулак собрал висевшие на жердях веревочные прогоны и начал избивать. Сянуме не сопротивлялась, а только иногда негромко вскрикивала, когда удары приходились по голове и лицу.

Полог яранги откинулся, из него на четвереньках вывалился Аника. Обтерев ладонями запачканные колени, выпрямился во весь рост. Муж на мгновение выпустил из рук волосы Сянуме и, открыв рот, с ужасом уставился на приближающегося великана, которому едва доставал до пояса.

– Настя, домой! – рявкнул великан.

Но та никак не могла встать на ноги, запутавшись в веревочных прогонах. Аника одной рукой ухватил ее за комбинезон и как собачку забросил в жилище. Подошел к мужу, схватил его за пояс малицы и потащил в направлении реки. Весь поселок молча наблюдал за происходящим, толпясь у своего жилья. Даже собаки не подавали голос, а мирно помахивали хвостами, разделяя общее любопытство.

Аника спустился по пологому берегу к реке, не выпуская из рук мужа Сянуме, который молча ожидал дальнейшей своей участи. Лед на реке еще держался крепкий, но забереги были уже более двух метров. Подойдя к воде, без особого замаха, бросил малицу с ее содержимым дальше от берега. Тело, пролетев через воду, опустилось в снежную кашу и начало кувыркаться среди ледяных торосов.

– Остуди голову! – как гром прозвучали слова Аники.

Он посмотрел куда-то вверх. Сотни гусей, переключаясь гортанным ага-ага, пронеслись вдоль противоположного берега, выискивая себе лайды. К их крику тут же присоединились собаки, заливаясь веселым лаем. Детвора, прицеливаясь из мнимых ружей, открыла стрельбу.

– Аникэ. Ерв-баарбе! – сказал кто-то с восторгом.

– Аникэ. Анидая барбе!

– Та-та. Баарбе! Аникэ сетегее! Начальника! Самый большой начальника! – подхватили и закивали головами остальные.

Так он стал в поселке вроде коменданта. Теперь ни один олень, ни один песец, ни одна рыбка без его участия не могла быть продана или обменена. С приезжающими заготовителями он вел разговор сам. Сам торговался и назначал цену. Составлял списки необходимого для завоза товара в летнюю навигацию, продуктов, топлива, стройматериалов и всего необходимого для жителей поселка. Разницу в цене за сданную рыбу, пушнину, оленину аборигены почувствовали сразу, получив взамен почти в три раза больше товара, чем раньше.

Заготовителям не по нраву пришелся новый житель поселка, который лишал их возможности обманывать и просто обирать местных. Спойть жителей, как это они делали раньше, затем забрать все, уже не решались. Достаточно было одного показательного случая, когда он всю команду катера, пытающую напоить местных жителей, побросал за борт и затем более полчаса не давал выйти из воды.

Жизнь в поселке кардинально менялась. Охотники и оленеводы приобрели новые ружья, капканы. Рыбачьи семьи обзавелись лодками, сетями, неводами. Появились даже два лодочных мотора «Стрела», которые часто ломались, и ремонтировать их приходилось Анике. В последнюю навигацию завезли строительные материалы. Вместо яранг началось строитель-

ство деревянных балков, которые по традиции обивали шкурами оленей внутри и снаружи. В нескольких километрах от поселения Аника обнаружил огромные залежи черных пластов, выходящих на поверхность из недр земли. Теперь печи-буржуйки в жилищах топились уже не дровами, нехватка которых сказывалась каждую зимовку, а углем. Осенью 1957 года, впервые за все существование поселка, он собрал около десятка детишек и отправил их на учебу в Усть-Авам в школу-интернат.

Сам Аника не проявлял особого желания ни к охоте, ни к рыбалке. В редких случаях он помогал рыбакам вытягивать невод, когда массово скатывались косяки тугуна и ряпушка. Да когда начинался отстрел оленей, помогал снимать шкуры.

Вечерами Аника любил попивать бражку, которую готовил сам. А когда ему привезли самогонный аппарат, начал специализироваться на приготовлении самогонных настоек, используя ягель, разные травы и ягоды, которые росли в тундре. Все рецепты старательно записывал. С каждой перегонкой настойки получались все лучше и лучше. Более десятка подписанных карандашом бутылок, наполненных целебной жидкостью, лежало в ящике под брезентом. Все эти настойки, приносившие ощутимое облегчение при множестве болезней, Аника опробовал на себе. Поэтому местные при недуге часто обращались к нему за помощью и советом. Он радушно помогал всем.

Иногда, замечая что Сянуме нездоровится, и она ходит какая-то болезненная, усаживал напротив, спрашивал, что у нее болит, доставал из ящика нужную бутылку. Наливал содержимое в кружку, протягивал ей и говорил:

– Пей, Настя, за здоровье!

Через пять минут после приема настойки узкие раскосые глаза Сянуме расширялись, приобретали округлую форму, и она вырубалась. Он накрывал ее шкурами, давая выспаться. А когда она пробуждалась, хворь исчезала.

Встреча

Аника орудовал ножом, ремонтируя грузовые нарты, а Сянуме перетаскивала из яранги скарб в новый просторный балок, уже обитый шкурами, когда со стороны реки послышался звук лодочного мотора.

– Первые ласточки летят, – сказал Аника, отложил нож и стал всматриваться. Вдали появилась едва различимая точка, увеличиваясь и приобретая контуры лодки.

– Быстро идет. Что у него там за мотор стоит? – Аника от любопытства, чтоб лучше разглядеть, пошел ближе к берегу.

Лодка быстро приближалась, держа направление к поселку. Вскоре, шурша о песок и приподняв нос, замерла на берегу. На транце сидел, улыбаясь, Молдаван.

– Ну, привет аборигенам! Я смотрю, ты здесь забурел! – он выскочил из лодки, разминая ноги, затем направился к Анике. – Как перекантовались в зиму?

– Привет, Михай! Зима ушла, о ней забыли. А что это у тебя за движок?

– «Москва-15». Просто бычара, а не мотор.

Аника зашел в воду и внимательно стал изучать двигатель.

– И сколько такой сейчас стоит?

– Полтора косаря!

– Не дешево. А хоть надежный? Я такой же хочу.

– А я тебе привез. Если сторгуемся, забирай. А на счет надежности, это не ко мне, а к тем, кто делал. Мне же западло тебе фуфло вбухивать. Нет, так впереди еще много рыбаков, с руками оторвут.

Он откинул брезент, в лодке лежал новый двигатель с бензиновым бачком. Ощупав руками мотор, Аника положил руку на плечо Михая и сказал:

– Сторгуемся. Идем в избу. Первым гостем будешь. Видишь, какие хоромы построил. Среди нескольких яранг разбросанных по берегу балок Аники казалась настоящим дворцом.

– А я, когда подъезжал, весь на измене был, этот ли станок? Смотри, сколько вы за зиму поналипили! – Молдаван окинул взглядом поселок.

– Растем. Думаю, в эту навигацию генератор приобрести. Будет в поселке свет. Да и лебедку давно пора иметь. На Аляске уже давно олени шкуры снимают при помощи лебедки. А мы все еще вручную.

– Ладно. Пошли. В балке потрем. Расскажешь, что нового в мире.

Михай покопался в лодке, достал увесистый рюкзак и взвалил его на плечо. Оба направились к избе. На крыльцо вышла Сянуме. Улыбка расплылась по ее лицу, от этого глаза закрылись совсем и растянулись еще шире.

– Здравствуй, Молдавана! Аника долго тебя ждал, однако. Савсем заскучал. Молчит много, – улыбка не сходила с ее лица.

– Драствуй, Молдаванэ! – суетливо загребая ногами песок, также улыбаясь, появилась ее сестра Анна.

– Ну, привет, шилохвостки! Как вижу вас, так рога заголить хочется.

В балке одна принялась торопливо нарезать балык. Вторая вытащила из котла большие куски оленины, разлила шурпу в кружки. Молдаван вытащил из рюкзака несколько булок хлеба, пряники. Завернутые в газету несколько пачек дрожжей протянул Анике.

– Твой персональный заказ.

– Ну, спасибо. А то уже два месяца как закончились.

– А это журналы, газеты. – Ткнул пальцем в фотографию Хрущева.

– Знаешь, что это ботоло, сука-кукурузник, нас с Америкой чуть лбами не свел. А в ООН прошлой осенью выступал, снял, сандаля и по трибуне начал стучать, базар вообще не шлифовал. Послал всех к матери...

– Что? Так в ООН всех прямо и послал?

– Так он же безбашенный. За свой базар ему мазу держать не перед кем. Это стало ясно, когда он наш Крым чубатым сдал. По четыре часа по радио пургу народу гонит. Балдой вообще не кубатурит. Опять всех в лапти обул и карточки на пайку выдал. Зато в космос первыми шагнули! Сейчас со спутников свое голое фуфло америкосам показывать будем. Ну, считаешь сам. Тут еще несколько книг тебе привез, что ты просил.

Все это он выложил прямо на пол.

– В Норильск сдаваться не надумал? Пора кончать лепить горбатого. Уже сколько лет, как амнистия. Даже я под нее попал. Правда, без права выезда на пять лет. Но они уже пролетели. Еще полгода, и я в Солнечной Молдавии. Так что, считай, это моя последняя навигация. А для вас, политических, так сейчас вообще полная реабилитация. Оттепель!

– Как-то сомнительно мне с этой оттепелью. Видишь и тебя пригрели –

Аника посмотрел в упор на Михая.

– У меня статья – враг народа, измена Родине. У тебя бандитизм. У нас даже в лагере законы и понятия были разные. А в восстание? Мы боролись против произвола, насилия. Создавали для этого комитеты. Шли на автоматы, а вы резали наших комитетчиков и втыкали нам заточки в спину. Выходит, что вы, бандиты, которые грабили, убивали и насиловали, тоже типа несправедливо обиженные. То есть мы с тобой на одной ступеньке сейчас стоим. И отогревать будут нас вместе.

У Аники лицо стало багроветь.

– Да такой оттепелью только сопли замершие отогреть можно. А меня так проморозили, что баня с парилкой за раз не прогреет. И давай на этом закончим, Михай. Не заводи меня, а не то часом пришибу.

Аника с досадой махнул рукой.

– А че тебя отогревать? Тебя сначала воскресить надо. Нет тебя. Узнавал я. Ты по документам типа на Кабацком лежишь, и смысл тебя батюшка Енисей набегающей волной, – не унимался Михай, но продолжать тяжелый для обоих разговор не стал.

Вытащил две бутылки шампанского, протянул Анике.

– Давно не пил шампанское?

– Да я к нему как-то не очень. Но спасибо! Сохраню на Новый год.

Он поставил бутылки и повернулся к Сянуме.

– Настя! Сделай нам на закусь строганины. А то без нее мы много не выпьем и толком не поговорим.

Сянуме вышла из балка, подняла крышку деревянного ящика, врытого в мерзлоту, выбрала крупного чира. Вернувшись, начала сдирать с него шкуру.

В последнюю очередь из рюкзака Михай вытащил две бутылки в красочных этикетках. Это был ром Пуэрто-Рико с ароматом кокосового молока и кофе, немного тягучий сладкий ром крепостью за пятьдесят градусов. Аника взял в руки одну бутылку, внимательно изучая этикетку.

– Что за новая отравка?

– Крепкий ром. Но приятный! – Молдаван даже сглотнул слюну.

Аника открыл бутылку, налил в две кружки. Подозвал женщин.

– Настя, Аня! А ну-ка, продегустируйте!

Женщины, взяв кружки, с благодарной улыбкой закивали в сторону Аники и Михая и опрокинули содержимое в себя. Сладкий напиток легко провалился внутрь, но тут же перехватил дыхание. Сянуме одной рукой схватила за деревянную стойку, подпирающую потолок, и начала, припадая на левую ногу, ходить вокруг, другой махать в такт движения. Анна, широко открыв глаза, ртом, как рыба, начала захватывать воздух. Аника внимательно наблюдал за ними, приговаривая:

– Оппа на! Оппа на! Вот это Пуэрто! – и повернувшись к Молдавану, весело сказал: – Наливай!

Выпив по первой, жадно начали закусывать мерзлыми белыми скрученными пластами чира, опуская их в маканину из соли и перца.

Сянуме, отпустив руку от столба, шатаясь, сделала несколько шагов в сторону и, уткнувшись головой в угол, упала. Анна, наконец, вдохнув воздух, молча уселась рядом, сжалась в комок, попробовала запеть, потом нагнулась и тихо захрапела.

Аника с Михаем, приговорив обе бутылки рома, вышли на крыльцо. Расположившись на ступеньках, вели разговоры, продолжая пить всю ночь, подставляя лица под лучи теплого солнца. Под утро Аника зашел в избу и упал на широкие нары, зарывшись головой в шкуры, а Михай забрался под брезент в лодке, обнял новый лодочный мотор и громко захрапел.

Проснувшись, Сянуме и Анна, столкнув деревянную лодку, поехали проверять сети. Привезли в мешке десяток огромных чиров, пару нельм и занялась их потрошить.

В полдень проснулись и мужики. Опохмелившись, закусили олениной и горячей шурпой, начали торговаться. Затем Аника крикнул Сянуме:

– Настя! Сбегай за Лаптуком. Пусть бежит ко мне.

Через несколько минут, семена кривыми ногами, появился молодой нганасан. Аника ему стал что-то говорить. Тот, слушая, скосил и до того косые глаза в сторону Молдавана, изучая его. В его взгляде промелькнула какая-то искра. Наклонив голову, закивал головой и ушел. Вскоре опять вернулся, неся за спиной мешок. Положил его у ног Аники и исчез. Тот залез рукой внутрь и начал доставать из него белоснежные шкурки песцов. Михай внимательно их осматривал, проверяя мездру, поднимал над головой, встряхивал и откладывал в сторону. Скоро бартерный обмен завершился. Лодочный мотор переключался на берег, а мешок со шкурками – в отсек под палубой лодки Михая. Сделку обмыли, опрокинув в себя по пол кружки водки.

– Я понял, что у тебя цель та же и маршрут тот же? – спросил Аника.

– Да. Как всегда. Дойду до Дорофеевского, а там, через Кресты пойду вдоль Дудыпты. А может на Крестах, уйду вниз по Пясине. Спирт кончится, и бартер кончится. Тогда сразу юзану назад.

– Скажу тебе прямо. Не по нраву мне твое занятие. Они же сопли морозят всю зиму, чтобы поймать какой-то достаток. А ты на их слабости играешь. Смотри не зарывайся и здорово не обижай националов. Обозлишь, грохнут тебя. Тундра большая, никто искать не станет.

– Я что, баклашить еду? Я же на шармак не ведусь, а бартер не я придумал. Товарный обмен еще «первобытки» друг другу впахивали.

– Знаю я твой бартер. Это ты только со мной как купец торгуешься. А с ними!? Твоя голова – решай сам.

Молдаван оттолкнул лодку, опустил мотор. Подкачал грушей бензин и начал дергать стартер. Через несколько рывков двигатель взревел, над водой повисло темное облако выхлопных газов. Держась за румпель, он добавил оборотов, и лодка, подняв нос, быстро вышла на глиссирование.

Бартер

Через час хода на правом берегу заметил две яранги. Весельная лодка, пропитанная свежей черной смолой, была опрокинута вверх днищем. Молдаван причалил и начал разыгрывать не раз проверенный, отработанный годами спектакль.

Подтащив лодку, постелил на палубе брезент. Достал из рюкзака бутылку спирта, пару кружек, закуску. Затем начал разводить спирт. Уселся удобнее и начал трапезу. В движениях не торопился, зная, что за его действиями внимательно следят. Опорожнил в себя пол кружки воды, сделав вид, что пьет спиртное. Громко крикнул и начал очищать вареное яйцо. Через несколько минут полог одной яранги откинулся, к опрокинутой лодке подошел нганасан и начал осматривать ее, поглаживая рукой нанесенную свежую смолу.

– Ну, давай смелее, бекас позорный! – прошептал Михай, чувствуя нарастание азарта в предстоящем спектакле.

Затем появился второй. О чем-то поговорив между собой, они направились к Молдавану.

– Куда едешь? Тудыпта? Тарея? Авам? – начали задавать вопросы.

– А вам какая, хрен, разница, – ответил Молдаван, проглатывая яйцо.

Как бы невзначай поправил в лодке двустольное ружье двенадцатого калибра. Из бутылки налил себе еще в кружку воды. Выпил, опять поморщился.

– У вас рыба то есть? Под такую водочку хочется закусить нормально.

– Рыба нет. Мясо совсем нет, – оба начали разводить руками.

– На нет и суда нет! Ладно, и хрен с вами. А то зачушканите мне всю трапезу.

Михай налил себе уже водки, выпил и смачно крикнул. Запах спирта завис над берегом.

– Мужикэ. Налей мало-мало! – не выдержал один. Второй в такт закивал головой, с жадностью поедая глазами стоящую на брезенте бутылку со спиртом.

– Да вы че, борзанутые! Как закусить, у вас рыба нет, мяса нет. А я в выходные не подаю! Так что, прикройте свои жевалки и подберите слюни на халяву. Я вам не родственник.

Он не спеша начал прятать в рюкзак бутылки, заворачивать закуску. Всем видом показывая, что собирается уезжать. В тот же миг, один из националов подпрыгнув на месте, развернулся на сто восемьдесят градусов и устремился к яранге, поднимая за собой шлейф песка. Исчез внутри и выскочил, держа в одной руке огромный балык нельмы, в другой черную от накипи кружку.

– На! – сунул балык Молдавану, не отводя взгляда от бутылки со спиртом.

– С этого и надо начинать! Держи бадью, – Молдаван налил в кружку разведенный спирт и вернул кружку назад. Откинув капюшон малицы, закрывающей голову, национал жадно выпил содержимое. Второй, стоя с протянутой рукой и не дождавшись своей доли, развернулся и тоже исчез в яранге. Вернулся, держа в руке огромный, килограмма на три, балык чира. Получив свою дозу, с жадностью выпил, рукавом парки вытер рот, при этом крикнул так, что у яранг залаляли встревоженные собаки.

Михай налил им еще по полкружки. Через десять минут оба, шатаясь, начали дергать друг друга за малицу, потом устроили борьбу между собой, пустив в ход кулаки. Устав махать руками, свалились на песок и уснули в обнимку. Как только наступила тишина из яранг вышли две женщины, скосив глаза на лежащих на земле мужей, смело направились к Молдавану. Обе несли в руках шкурки песка.

– Здорова, Малдаванэ, сука! Наливай, однако!

Молча налил им в протянутую посуду. Женщины выпили из кружек поочередно. Одна вытерев рукавом рот, долго не могла отдышаться, а затем вплотную подошла к Молдавану.

– Знаю. Баба хочешь? Тот год помню, два раза хотел!

Не дожидаясь ответа, начала стягивать с себя ровдужный комбинезон с нашитыми на груди металлическими бляхами. Долго не могла стянуть его, запуталась в рукавах, упала в траву, немного подергалась и засопела. Вторая молча уселась рядом, так сидя и уснула. Молдаван бросил на землю телогрейку, уселся на нее, закурил и стал ждать.

Первая часть «спектакля» была позади, оставалась финальная. Через пару часов две скомканные малицы зашевелились. Из капюшонов появились два помятых однотипных лица и начали глазами отыскивать кружки. Найдя, трясущими руками протянули их в сторону Молдавана.

– Мужика. Налей еще мало – мало!

– Ну, вы точно борзые! Это за два балыка? Вы посмотрите, сколько вы водки уже сожрали – он показал две пустые бутылки.

– Рыба хочешь, мало есть! Мясо хочешь, мало есть!

Молдаван достал бутылку спирта и, подбрасывая в руке, сказал:

– Камус несешь двенадцать штук – ампула твоя. Песец несешь – ампула твоя.

Националы пинками стали поднимать спящих женщин, что-то крича на своем языке. Одна выпала из полуснятого комбинезона и на четвереньках, совершенно голая помчалась к яранге, вторая, шатаясь, побежала к своей. Скоро в руках у Молдавана была еще одна шкура песка и мешок с камусом.

Так повторялось несколько раз. После очередной отключки мужиков, Молдаван почувствовал усталость. Солнце уже катилось по горизонту, хотелось спать. Решив, что здесь брать больше нечего, он зашел в засолку, снял несколько понравившихся балыков. Сорвал несколько пластин вялившейся на ветру оленьей юколы. Все это аккуратно уложил в мешок и под дружный храп квартета, оттолкнув лодку, направился дальше, вниз по течению.

За нескольких дней он объехал десяток станков, не дойдя до Усть-Авама каких-то десять километров. Еще осталось несколько бутылок спирта, но лодка была уже полностью загружена. Он остановился на берегу и начал тщательно сортировать содержимое: песцовые шкуры, камус,

балыки рыбы разных пород, вяленую оленину. На рыбацкий ящик свежей рыбы сверху уложил десяток гусиных тушек. Все накрыл хорошо выделанной большой шкурой медведя. И уже на нее побросал шахтерские прорезиненные костюмы. Незанятым в лодке остался лишь узкий проход к двигателю.

– Ну, неплохо зачалился! – произнес он вслух.

Уселся в лодку и отправился в обратный путь. Через несколько часов проезжая место своей первой остановки, прижался ближе к берегу, сбросил обороты. На берегу увидел крупную фигуру Аники, но останавливаться не стал, а лишь, подняв вверх большой палец, показал, что все хорошо.

– Грохнут тебя, однако, Молдаван. Рано или поздно! – в сердцах бросил Аника и тут же крикнул:

– Настя. Где ты копаешься? Ты на сети едешь, или нет?

Костя

У реки Сенькина, где русло реки Пясины островом разрезается на два рукава, уже более двух суток на берегу в кустах лежал Костя Лаптуков. Старая весельная лодка была вытаскана на берег с противоположной стороны острова.

В поселке Костя появился менее года. Когда его позвал Аника, то он сразу узнал гостя. Костя хорошо помнил, как два года назад Молдаван появился на их станке на речке Тарей. Как в течение двух суток вел торги. Спаивал местное население, пока не выгреб все, что у них было добыто за осень и зиму. Как потом напился сам, заходил в яранги и насиловал молоденьких девушек. А когда Костя попробовал вмешаться в происходящее, то был жестоко избит. Но этим дело не закончилось. Молдаван затем связал Костю, бросил в деревянную лодку без весел, оттолкнул ее от берега. Распутать веревки и руками догresti до берега он смог, когда течение утащило лодку почти на десять километров.

Гул мотора Костя услышал до того, как появился силуэт лодки. Прижал к плечу японскую винтовку Арисака образца 1905 года и начал внимательно всматриваться через кусты на темную рябь реки. Расположение рукоятки на задней части затвора позволяло перезаряжать винтовку, не отпуская её от плеча, не теряя из виду цель.

Через несколько минут лодка и человек сидящий в ней были четко видны в мушке прицела. Звук мотора усиливался и сопровождался резкими хлопками из карбюратора. Свеча на одном из цилиндров работала с перебоями. Михай, держась за румпель, нервно поглядывал на двигатель, но не останавливался, чтобы почистить свечу. Решил дотянуть до входа в озеро Пясино и там сделать остановку.

Очередной хлопок из карбюратора совпал с таким же хлопком на берегу. Голова Михая дернулась, и тело завалилось в бок. Рука ослабла и выпустила румпель. Двигатель взревел, резко повернувшись, ударился об транец и заглох. Лодка, сделав крутой вираж, зацепила большую порцию воды и, раскачиваясь, прекратила движение. Небольшие набегающие волны, ударяя в борт, развернули ее, а течение потащило в обратном направлении.

Аника и Костя о чем-то оживленно разговаривали на берегу. При этом один стоял, опустив голову, а другой, высоко запрокинув ее, смотрел вверх и при этом едва доставал до плеч собеседника. Черные взлохмаченные волосы Кости торчали во все стороны.

– Лодка, что ли? – произнес Аника, переводя взгляд с собеседника на реку. – Никак, Молдавана? Точно, его. Может, случилось что?

– Лодка, однако! – утвердительно закивал Костя.

Через час они прибуксировали ее к берегу. Дюралевая «казанка» доверху была забита рыбой, птицей, мясом, пушниной. Сверху все было прикрыто медвежьей шкурой и шахтерскими костюмами.

Аника, обойдя ее, заглянул внутрь, сразу обратил внимание на светло-бурый цвет воды под пайолами на днище лодки.

– Никак, заснул и выпал, а может помогли выпасть, – констатировал Аника и пристально посмотрел на Костю. Тот спрятал глаза в узкие разрезы век и сокрушенно замотал головой.

– Та-та. Завсем заснул. Завсем выпал, Молдаванэ!

– А ты, Костя, собрался от нас уходить. Невесту тебе нечем выкупать. Вот тебе и калым. Смотри сколько добра! Шкуру медведя я заберу себе. Зимой на ней лежать – это же такой кайф будет. А остальное забирай и движок тоже. А лодку внутри помыть надо.

Костя вопросительно посмотрел.

– Я сказал, надо помыть! – повысил голос Аника.

– Та-та. Мыть надо! – Костя закивал головой.

Выгрузив все содержимое и сняв движок, лодку поставили на борт. Сняли пайолы и вылили внутрь несколько ведер воды. Потом перевернули вверх днищем и, когда вода сбегала, подтащили к воде, поставили на место пайолы.

– Все. Отталкивай ногой, – Аника повернулся и направился в сторону своего балка.

Лодка, разрезая воду, закачалась и отправилась в дрейф по реке Пясино, течение подхватило ее и потащило к Карскому морю.

Возвращение

Сделав несколько шагов к своему балку, Аника вдруг остановился, повернулся в сторону удаляющейся лодки, молча провожая ее взглядом. Посмотрел на Костю и сказал:

– Отвезешь меня завтра с утра в Норильск. Только смотри, никому ни слова.

Костя вопросительно посмотрел на Анику и утвердительно закивал головой:

– Хоросо. Хоросо! Завтра.

Утром Аника вышел из балка, держа в руке небольшой сверток. Две молоденькие хаски носились вдоль берега, спугивая и поднимая на крыло разгуливающих бакланов. Крачки висели над водой, высматривая рыбу.

Олени паслись у небольшого озера, периодическим всхрапыванием, оповещая о своем присутствии.

Костя ожидал Анику, стоя у лодки. Капюшон брезентовой куртки был откинут. Черные с серым оттенком волосы, как всегда, торчали в разные стороны.

– Горючки тебе хватит вернуться? – спросил Аника, подойдя ближе.

– Не хватит, течением, однако приеду.

Костя начал сталкивать лодку. Аника повернулся лицом к поселку. Из яранг и балков начали выходить жители. Скоро весь поселок высыпал на берег. Только Сянуме стояла у своего жилища и не решалась подойти ближе. Все молчали, опустив головы. Хаски прекратили преследовать бакланов и улеглись на песок. Нависла тишина.

– Я же просил не говорить! – Аника с укором посмотрел на Костю.

– Моя не говорил. Моя совсем молчал, – Костя развел руками.

– Садись. Заводи! – Аника ухватился руками за нос лодки, со всей силы оттолкнул ее, вскочив на палубу. Перелез внутрь и уселся на сиденье. Костя несколько раз, дернул шнур стартера. Двигатель взревел, и лодка, подняв нос, устремилась против течения, удаляясь, уменьшалась в размерах, и скоро вдали маячил лишь её размытый контур. Только звук двигателя был еще отчетливо слышен.

Вдруг контур снова стал приобретать очертания, усилился звук двигателя, и через несколько минут лодка носом опять уткнулась в берег.

Аника через борт перешагнул в воду, швырнул перед собой сверток, который упав на песок, раскрылся. На берегу лежала вылинявшая от солнца и времени стеганая ватная

фуфайка, на клочке тряпки, пришитой к груди, просматривалась надпись, сделанная химическим карандашом: «З-е отд» и какие-то цифры. Он вспомнил слова, которые сказал Михай: "А че тебя отогревать? Тебя сначала воскресить надо. Нет тебя. Узнавал я. Ты по документам типа на Кабацком лежишь, и смыл тебя батюшка Енисей набегающей волной."

– Врешь! Я здесь и живой! – Сказал он вслух.

Вышел на берег. Выпрямился во весь могучий рост, повернулся в сторону своего балка и, улыбаясь, крикнул:

– Сянуме! Ты сети проверять собираешься? – он впервые назвал ее настоящее имя.

Толпа оживилась, радостно загудела и стала разбредаться по ярангам и балкам. То там, то здесь было слышно.

– Баарбе вернулся!

– Аника, однако, вернулся!

Две молоденькие хаски вскочили и с веселым лаем устремились к разгуливающим по берегу бакланам, поднимая их на крыло.

Черные флаги в год Черной змеи

Год черной змеи

Конец мая 1953 года в Норильске не радовал теплом. Но стоило из облаков выглянуть солнцу, как толщи снега начали интенсивно таять, на глазах превращаясь в жидкую, мокрую кашу.

Главный проспект города заблестел талой водой, образуя реку с вытекающими из нее рукавами на примыкающие улицы. Искрящаяся на солнце вода, оmyвая и подтачивая столбы с колючей проволокой, устремлялась внутрь территории с надписью «Стой. Запретная зона».

Августа Михайловна вышла из дома, как всегда, ровно в семь тридцать.

Чтобы дойти до места своей работы спокойным, неторопливым шагом, ей требовалось не более десяти минут.

И все же однажды, выйдя, как всегда, в положенное время, она опоздала на работу почти на час.

Это случилось год назад в первых числах апреля. Причиной опоздания была «черная пурга», которая разбушевалась над Норильском и продолжалась трое суток.

Южный ветер за ночь вымел весь снег с улиц, переместив и уложив его во дворах в виде дюн и барханов, засыпав двухэтажные здания по самую крышу. С грохотом и гулом ветер врывался в город через Октябрьскую площадь и дул с такой силой, что не давал дышать, залеплял лицо снегом, слепил глаза. Люди по грудь в снегу пробивали себе дорогу во дворах, а выбравшись из снежного плена на главную улицу, попадали в мощный, плотный поток ветра. Прижимаясь к зданиям, они руками держались за стены. Каждый шаг вперед давался с большим трудом. Резким порывом ветер отрывал прохожих от стен, валил с ног, переворачивал и тащил, пока люди не успевали за что-либо ухватиться.

Самым сложным препятствием было преодоление домовых арок при выходе на проспект. Мощный поток воздуха сжимался в них, превращая проход в аэродинамическую трубу. Пройти такие арки в одиночку было невозможно. Через несколько шагов людей просто выкидывало оттуда. Тогда собирались в группы, обхватывали друг друга руками и, плотно прижавшись, наклонившись головой к потоку ветра, бросались в арку, как в атаку, поддерживая себя громкими, как им казалось, криками:

– Ура!

Но эти крики заглушались в сплошном гуле и уносились вдаль.

В редких случаях удавалось пройти арку с первого раза. Чаще всего такие попытки приходилось повторять несколько раз, так как, преодолев несколько метров, группа людей начинала скользить по отшлифованному снегу, замедляя движение, останавливалась. Ветер с силой разворачивал людей и выталкивал из горловины обратно, рассыпая тела по двору. Приходилось снова собираться в группы и повторять попытки.

Сложнее всего при таком ветре приходилось детям. Но у них был другой способ преодоления этих проходов. Как правило, отыскивали какой-либо острый предмет, ложились на живот, цепляясь за основание арки и втыкая предмет в лед, ползли.

Оттепель и ветер превратили улицы города в огромный каток. Две колонны заключенных, женщин и мужчин, которых вели на работу, вышли на проспект. Ветер тут же уперся в их спины, ударяя, подталкивая, заставляя ускорять шаг все быстрее и быстрее, затем бежать. Обувь скользила. Чтобы удержаться на ногах, заключенные руками искали опору и, не найдя, заваливались на бок, не успевая перебирать ногами, падали. Порывами ветра мужчин и жен-

щин сначала смешало в общую кучу, а потом разбросало по Гвардейской площади. Пользуясь этим, заключенные под дружный смех и крики тискали друг друга в объятиях, целовались.

Охрана, охрипнув от криков, в ужасе наблюдала за происходящим, но была бессильна что-либо сделать. Конвойных солдат с автоматами на груди так же тащило, бросало и переворачивало в общем потоке. Заключенные, оказавшись рядом с конвойными, старались, как бы невзначай отвесить пинок или ударить рукой. Собаки на натянутых поводках, скользили на лапах, ползли на брюхе, скулили, не понимая, что происходит, хватали и кусали всех, кто оказывался рядом.

Грузовой ЗиС въехал на Гвардейскую площадь. Увидев беспомощную массу бегущих, падающих, ползущих людей, водитель начал резко крутить баранку. Ветер, как в парус, ударил в фанерную обшивку будки с надписью «Хлеб». Потеряв управление, грузовик, вращая колесами, тщетно пытался сопротивляться плотному потоку. Его тащило юзом мимо людей и кидало, как картонный домик. Затем грузовик развернулся, ударился о торец здания Гастронома №1 и остановился. Водитель приоткрыл деревянную дверцу автомобиля, ее тут же вырвало и вместе с водителем потащило во двор.

Через час в мокром пальто и вся в снегу Августа Михайловна, наконец, добралась до места своей работы. Она готовила слова оправдания перед начальством, но оказалось, что оправдываться не перед кем. В управлении, кроме дежурного офицера, еще никого не было.

– Я так переживала. Это же надо, что твориться на улице. Опоздала на целый час! – произнесла она, смахивая налипший снег с шапки.

– Это потому, что вы шли против ветра, Августа Михайловна. А вот те, кто работает в районе Медного, шли по ветру и пришли на час раньше.

Оба весело засмеялись.

Восстание

Сегодня ее путь занял ровно десять минут. Августа Михайловна уже подошла к Гвардейской площади, когда почувствовала странную, несвойственную, нависшую тишину. Остановилась с мыслью, что чего-то не хватает. И вдруг поняла: нет заключенных, которых в это время всегда ведут для работы на площадках Горстроя.

Каждое утро в любую погоду две колонны по четыре человека в ряд двигались от начала проспекта параллельным курсом: справа женщины, слева мужчины. Отделял колонны друг от друга только широкий газон проспекта. Перебрасываясь шутками, криками, это шумное движение постоянно

сопровождалось грубыми, угрожающими окриками конвойных под непрерывный громкий лай собак.

«Странно. Что же могло случиться?» – подумала Августа Михайловна, войдя во двор управления. Для такого раннего времени большое количество служебных машин, стоящих у здания, встревожило ее еще сильнее.

Внутри управления творилось что-то непонятное. Все суетливо бегали из кабинета в кабинет, спускались, поднимались по лестнице. Двери хлопали на всех трех этажах, но каждая при этом издавала свой звук. Все это очень походило на разворошенный муравейник.

Она подошла к своему кабинету с вывеской на двери «Главный бухгалтер». У входа ее встретил начальник отдела.

– Здравствуйте, Августа Михайловна! А вы напрасно пришли.

– А что происходит?

Она посмотрела на начальника и не узнала интеллигентного всегда чисто выбритого, опрятного, подтянутого шефа. Сегодня он выглядел безобразно: гимнастерка выползла из-под ремня, волосы на голове взлохматились, под глазами мешки от бессонной ночи.

Начальник отдела от переполняющих его эмоций начал говорить быстро и непонятно. Хотел выплеснуть из себя весь негатив, скопившийся за ночь, проведенную в управлении. Даже чуть было не решился произнести матерное слово, придав тем самым масштабность случившемуся. Но не стал этого делать, так как совершенно не умел ругаться. Также он знал, что главный бухгалтер на дух не переносит мат. Начальник отдела взял себя в руки и, сделав паузу, заговорил:

– Вы еще не слышали? Как же так? Вопиющий случай. Эти изменники и предатели организовали восстание.

– О ком вы говорите?

– Как о ком? О заключенных, конечно. Пять отделений сегодня не вышли на работу! Устроили настоящий бунт. На территорию не пускают охрану.

Он вытер платком образовавшуюся испарину и продолжил:

– Августа Михайловна, голубушка. Отправляйтесь домой. Старайтесь никуда не выходить. Непонятно, как дальше будут развиваться события. В Москве уже об этом знают. Какой-то кошмар! Мне же до отпуска осталась всего неделя.

В его глазах появился туман обреченности.

– Как все закончится, мы вас вызовем. Всего хорошего! – он поспешил к себе в кабинет.

Выйдя из помещения, она направилась в обратном направлении и только сейчас обратила внимание на развивающийся черный флаг с красной полосой на здании нового гастронома. На фоне светлого красивого по архитектуре здания траурное полотнище действительно внушало страх, тревогу.

Комиссар

Наклонив голову, Августа Михайловна поспешила домой.

Вот уже год, как она стала вдовой. Под трехкратный салют почетного караула похоронила своего мужа. В траурной процессии прощания с бывшим комиссаром присутствовал весь командный и административный состав Норильского управления лагерями.

Она погрузилась в воспоминания о том, как она с мужем, четырьмя детьми на собачьих и оленях упряжках в сопровождении взвода автоматчиков прошла путь от Мурманска до Диксона, восстанавливая Советскую власть на прибрежных просторах Арктики. Как, подъезжая к зимовьям, в бинокли наблюдали за спешно уходящими на собачьих упряжках немцами. Как минеры первыми заходили в дома, осматривали помещение и, не найдя мин, давали добро. Затем самые проворные солдаты срывали с изб немецкие флаги со свастикой и на их место водружали красные полотнища.

Ее муж Трофим отрапортовал начальнику управления НКВД Диксона о том, что на всех зимовках побережья восстановлена Советская власть, с водружением знамен Советского Союза. Доклад тут же полетел в Красноярск. Из Красноярска в Москву. Начальник управления пожал руку Трофиму и торжественно произнес:

– От имени начальника Главного управления НКВД СССР поздравляю вас с выполнением задания, присвоением вам очередного звания и награждением медалью «За боевые заслуги»!

– Служу Советскому Союзу! – прозвучало в ответ.

Там же Трофим получил новый приказ. Был назначен комиссаром и откомандирован в Норильск.

Его обнаружили мертвым с заточкой в спине в нескольких десятках метров от вахты третьего «каторжного» отделения, которое входило в состав Горлага (Государственный особый режим лагерь), включавшего восемь отделений, в том числе шестое «женское». В Горлаге сидели только осужденные по политическим статьям. Работали на самых тяжелых работах в шахтах, рудниках, на строительстве дорог. Рабочий день составлял двенадцать часов.

За смерть мужа Августа Михайловна винила и себя, так как ему часто приходили предупреждения и угрозы, чтобы он урезонил свою жену.

Причиной всему были ее регулярные, по долгу службы, проверки финансовой, имущественной и продовольственной деятельности в лагерях Норильска.

Кухни лагерных отделений постоянно испытывали нехватку продуктов, а на складах скапливались излишки, которые расходились между сотрудниками администрации лагеря или продавались «блатным».

Каждая проверка выявляла такое количество нарушений, приписок, воровства, обмана, что после ее ревизий были осуждены и потеряли должности более десятка ответственных лиц. Ее честность, принципиальность и неподкупность раздражала и бесила многих управленцев. Некоторые откровенно затаили на нее злобу.

Начальник караула

Сержант Дьяков, заступив на пост начальника караула, шел вдоль колючей проволоки, поддевая постоянно сползающий с плеча автомат. Настроение было подавленное – замучила изжога.

Накануне практически всю ночь пили спирт с друзьями на берегу озера Круглое. Разошлись только под утро. Выспаться перед дежурством не удалось, голова трещала и разламывалась. Он постоянно поглядывал на часы. До лагерного отбоя оставалось еще почти два часа, а ему не терпелось быстрее опохмелиться.

Взглянул в сторону сидящих на крыльце лагерного барака заключенных. Те о чем-то громко переговаривались через колючую проволоку с женщинами, которые ожидали разрешения на проход в промышленную зону. Временами все дружно начинали смеяться.

– Че вы, суки, ржете там, как кони? – зло крикнул он.

– Да пошел ты, Сталинский выкидыш! – прозвучал с такой же злостью ответ.

– Это кто сказал? – взревел сержант, подойдя вплотную к колючей проволоке.

– Конь в пальто! – ответили ему.

Сержант передернул затвор. Отрыжка обожгла горло. Он достал с пояса фляжку, сделал глоток, прополоскал горло и выплюнул прямо на колючую проволоку.

– А ну, встать! Сучье поганое! – дуло автомата повернулось в сторону крыльца.

– Что ты клацаешь затвором? Кого ты пугать собрался, вертухай позорный? Мы уже давно отпугались.

Заключенные на крыльчке поднялась и с ненавистью уставилась на сержанта.

– А я вашу маму сейчас попугаю! – вслед за словами прозвучала короткая автоматная очередь.

Один заключенный упал замертво, трое раненых корчились на земле. Остальные, прикрывая голову руками, кинулись в барак. Сержант стрелял вдогонку, пока не закончились патроны.

На крыльце барака третьего «каторжного» отделения осталось лежать три трупа, семеро раненых стонали от боли, пытаясь заползти внутрь.

Сержант плюнул себе под ноги и быстрым шагом, на ходу перезаряжая обойму, направился в караульное отделение.

Он тогда не мог предположить, что эта стрельба послужит толчком для знаменитого Норильского восстания, вспыхнувшего под лозунгом «Черные флаги» в год Черной змеи.

В Норильске на тот период было семьдесят семь тысяч жителей, из них шестьдесят восемь тысяч заключенных, среди которых были подданные двадцати двух стран.

На следующий день в знак протеста расстрела на работу не вышло более десятка отделений.

К бастующим по радио обратился начальник Горлага генерал Семенов с призывом выйти на работу, но это не помогло. В лагере начали создавать забастовочные комитеты.

На следующий день более десятка офицеров под командованием генерала Семенова, стреляя кто вверх, кто в землю, вошли в зону третьего «каторжного» отделения. За ними следовали четыре пожарные машины. Из бараков навстречу начали выбегать заключенные. Вскоре полуторатысячная молчаливая толпа преградила дорогу.

– Бей их, ребята. Окружай! – донеслось из толпы.

– Отрезай от вахты. Смерть палачам!

Офицеры в панике стали отступать. Пожарные машины спешно начали разворачиваться, ударяясь друг в друга. Офицер Качаев не успел отскочить, и был насмерть придавлен к столбу. Водитель машины не стал его подбирать.

Генерала Семенов, размахивая пистолетом, начал кричать:

– Назад, сволочь. Пристрелю!

Но машина пронеслась мимо, чуть не зацепив и генерала.

Взять на испуг третье отделение не получилось.

Семенов не унимался. Его судьба висела на волоске. Необходимо было срочно навести порядок в лагере, до приезда московской комиссии и обезглавить забастовочный комитет. Он пошел на хитрость.

С утра по радио уже в пятом отделении звучало обращение к тем, чей срок заканчивался, чтобы выходили к вахте с вещами. Через два часа у ворот собралось несколько сотен человек. Практически без охраны, чтобы не вызывать подозрение в подвохе, их отправили в новостроящийся лагерь. Как только колонна вошла в ворота и оказалась на территории, ее окружили автоматчики. Всех положили на землю. После сортировки часть заключенных получила команду: «В зону марш». Оставшихся автоматными прикладами погнали в «запретку» под крики «лицом вниз ложись». Затем погрузили в машины, накрыли брезентом и увезли в лагерь на шахту «Западная». Выявленных комитетчиков после допросов, побоев и пыток отправили в тюрьму «Каларгон».

Полковник МГБ

Из Красноярска срочно прилетела комиссия с бывшим начальником Норильского лагеря генерал-лейтенантом Панюковым.

Из Москвы прилетела комиссия под председательством полковника МГБ Кузнецова. В этот же день он собрал весь административный состав лагеря на совещание. Выслушав доклад об обстановке он повернулся к генералу Семенову.

– Сколько бастующих?

– Практически все отделения, кроме уголовников. Но на работу они тоже не выходят.

– Какие меры принимали?

– Пробовали уговаривать. Призывали к окончанию забастовки. Сталкивали лбами с уголовниками. Пробовали запугивать стрельбой и карательными действиями. На половину сократили продовольственный паек.

– Что значит «пробовали запугивать стрельбой»? А стрелять не пробовали?

– Полковник. У меня катастрофическая нехватка рабочих в промышленной зоне. Давай к чертовой матери перестреляем всех. А план Партии и Правительства по никелю и меди кто будет выполнять? – в разговор вмешался директор комбината Зверев.

– А не надо стрелять всех. Показательно расстрелять одно-два отделения. Ты же слышишь – на уговоры не идут, – полковник расстегнул ворот гимнастерки.

– Совершенно согласен с полковником, – в разговор вклинился генерал-лейтенант Панюков. – Это быдло в чувство приведет только показательный расстрел.

– Вы бы в чувство привели личный состав и то быдло, которое заварило эту кашу. Кстати, где этот засранец? Он что был пьян на службе?

– Его спровоцировали заключенные. Опера сейчас ведут проверку. Говорят, что был трезвый.

– А я сейчас тоже кое-кого отрезвлю. Этот документ, – он постучал рукой по папке, – от заместителя МВД СССР Серова. Все зачитывать не буду, не тупые поймете и так.

Кузнецов открыл ее и начал зачитывать:

– Так... Так... А вот. Предупредить, что если и впредь администрация лагерей Норильска будет допускать неповиновение заключенных, МВД СССР будет вынуждено принять меры в отношении начальствующего состава как не обеспечившего руководство, – захлопнул папку.

– Вопросы есть? Вопросов нет. Едем дальше, – положил папку на стол.

– Какие требования выдвигаются заключенными?

Семенов, не вставая с места, достал из папки листок с машинописным текстом и сказал:

– Можно я своими словами, коротко. Первое. Требуют пересмотра своих дел. Отпустить из лагерей инвалидов. Вывести на Родину иностранцев. Отменить нашивки с номерами на одежде. Восьмичасовой рабочий день. Разрешить свидания и переписку. И последнее. Наказать виновных произвола – работников МВД и МГБ.

– Да снимите вы с них к чертовой матери эти нашивки. И пусть хоть запишутся. А по остальным пунктам обещайте, говорите, что Москва в курсе, вопрос решается, тяните время. Вы же понимаете, что выполнение других требований не в моей компетенции.

На следующий день, ступая хромовыми сапогами по мокрому снегу и грязной каше, Кузнецов направился в пятое лагерное отделение в сопровождении десятка представителей комиссии.

Выступая перед заключенными, Кузнецов представился как личный референт Берии. Выслушав первоочередные требования, сказал:

– У меня нет полномочий на пересмотр ваших дел на месте. Все жалобы я передам в Москву.

Повернулся и обратился к лагерной администрации:

– Думаю, что я вправе требовать от вас выполнения ряда пунктов. Снять с одежды номера, с окон решетки, с дверей барачных замки. Не ограничивать переписку с родными. Ну, и давайте сделаем для них восьмичасовой рабочий день. Тем самым уравняем их в правах с уголовниками. – Среди заключенных прокатился одобрителный ропот.

– Я обращаюсь ко всем заключенным с просьбой выбрать делегатов для переговоров. А пока будет решаться вопрос по остальным требованиям, всем выйти на работу.

Точно такие же слова и обращения Кузнецов произнес в четвертом и шестом «женском» отделении. Выполнение ряда требований заключенные встретили на ура.

На следующий день четвертая, пятая и шестая зоны вышли на работу.

Переговоры проходили всюду примерно одинаково. Неподалеку от вахты ставили столы, покрытые красной скатертью. По одну сторону садились «генералы» по другую – делегаты от заключенных.

В третье лагерное отделение Кузнецов прибыл в сопровождении генерала Семенова и лагерной администрации. Уселись за стол переговоров.

От имени всех заключенных член комитета Тарковцаде в ультимативной форме предложил администрации лагеря покинуть зону.

Те с негодованием зашумели, но Кузнецов строго одернул:

– Исполните просьбу комитета, пожалуйста.

Тарковцаде, глядя в глаза Кузнецову, сказал:

– Первое наше требование выполнено. Хорошо. Второе. Прошу Вас, полковник, подтвердить каким-либо документом полномочия вашей комиссии.

– Я вам не обязан что-либо предъявлять. А вот к вам у меня есть конкретное встречное предложение. Если хотите, чтобы вас услышали, восстановите в зоне прежний порядок. Впустите надзирателей и оперативных работников. А главное завтра же выйдете на работу. На размышление даю вам пятнадцать минут, – Кузнецов поднялся из-за стола, показывая, что разговор окончен.

– Полковник. Мы настаиваем и хотим увидеть подтверждение каким-либо документом, что ваша комиссия направлена в Норильск Советским правительством.

– А я вам еще раз повторяю. Разговор будет продолжен только после немедленного выхода на работу.

– У нас в лагере двести семьдесят пять советских офицеров, три Героя Советского Союза, в том числе полковник, Герой Советского Союза, начальник контрразведки сороковой армии Воробьев. Мы хотим знать о ваших полномочиях, – Тарковцаде не спускал глаз с Кузнецова.

– Если вы хотите меня разжалобить, считайте, что вам это удалось. А я вам повторяться не буду, – Кузнецов заметно стал нервничать.

Член забастовочного комитета повернулся к соратникам.

– Теперь вы понимаете, товарищи, что это просто комиссия МВД. Та самая, на работников которой мы собираемся подать жалобу.

Он с презрением посмотрел на Кузнецова.

– Мы отказываемся от дальнейших переговоров с вами.

– Ну а вот это совсем напрасно, – Кузнецов повернулся к

Семенову: – С завтрашнего дня для этого отделения норму питания снизить в два раза.

Выходя из арочных ворот, наклонился к Семенову и сказал:

– Брось всех оперативников во все зоны. Подключи уголовников. Пусть под любым предлогом выдергивают комитетчиков. Я сам их потом допрошу.

Через день в лагерном пункте «Купец» обнаружили повешенными рядом на балке лицом друг к другу двух членов комитета – Вальяно и Быковского.

Настроение Кузнецова с каждым новым проведенным днем в Норильске ухудшалось. Быстрого наведения порядка не получилось. Восстание не было подавлено, а наоборот разрасталось. Его мысли были уже не о генеральских погонах, на которые он рассчитывал после возвращения в Москву, а о том, как сохранить полковничьи и свою шкуру. Занозой в заднице сидело третье «каторжное» отделение, где был сформирован основной забастовочный костяк, откуда шло практическое управление восстанием.

Просидев в раздумьях практически всю ночь, он решил произвести психологическую атаку на непокорное отделение. Днем к лагерю подъехали более десятка машин. Солдаты в полной боевой готовности, в скатках за спинами начали окружать лагерь. На глазах у заключенных установили пулеметы. Вслед за ними надзиратели топорами начали прорубать проходы в колючей проволоке. Открыли ворота.

По радио Кузнецов обратился к лагерникам с призывом расправляться с членами комитета и уходить из лагеря. Его голос уже охрип, но ни один человек не вышел. Атака не удалась.

– Все. Мое терпение лопнуло. Да я же вас сук похороню всех здесь до единого, – в истерике прошипел он.

Открыть огонь!

Первый день июля по-настоящему радовал летним теплом. Яркое солнце разбросало свои лучи над рудником «Медвежий ручей», заглядывая внутрь бараков и прогревая деревянные оштукатуренные стены. Практически все заключенные первого отделения высыпали во двор, сняв с себя робу подставляя свои бледные тела под теплый солнечный поток.

Московская комиссия в полном составе явилась на вахту. На входе висел черный флаг с красной полосой. Стол для переговоров не ставили.

– Убрать флаг. Построить отделение, – приказал Кузнецов.

Среди заключенных прокатился ропот. Нехотя, но начали подниматься и выстраиваться в ряды. Одеваться не стали, держа робу в руках, недовольно перекидываясь словами.

Обращаясь к гудящему строю Кузнецов начал говорить громко:

– Волынка переросла в контрреволюционный мятеж. Вы избрали органы власти, суд. Сформировали незаконные органы самообороны. А это не что иначе, как мятеж. Приказываю всем заключенным покинуть зону для фильтрации. В случае неподчинения конвой открывает огонь на поражение.

– Товарищи заключенные. Одумайтесь! Вас толкнули против Советской власти, – просто взвыл представитель Прокуратуры СССР Вавилов.

– Так если мы с тобой товарищи, вставай с нами рядом, – раздалось из толпы.

– Блефуешь, мразь! Нет у тебя права на расстрел.

– Предупреждаю последний раз! – Кузнецов повернул голову в сторону конвоя.

Залязгали затворы. Большая часть заключенных спешно направилась к выходу из лагеря. Те, кто остался, под истошные крики «Атас!» начали разбегаться и прятаться в бараках.

– Открывайте огонь! – махнул рукой Кузнецов.

Солдаты открыли стрельбу из автоматов и пулеметов. От бараков в разные стороны полетели щепки, разбитые стекла. Пули пробивали насквозь дощатые стены и перегородки, которые стали дымиться. Послышались крики и стоны раненых.

Через неделю усмирили и шестую «женскую» зону, которая в знак протеста против расстрела объявила голодовку.

Женщины стояли под лозунгом «Свободу – народам и Человеку», взявшись за руки плотными кольцами в три ряда, скандируя:

– Смерть или воля!

К ним вышел майор, представитель администрации, и сказал:

– Если вы, гражданки политические проститутки, шпионки и им подобные, не прекратите голодовку и забастовку, не выйдете из лагеря для фильтрации, то выйдете на свободу отсюда, когда растает этот снег, – показал пальцем на межгорье, где лежал снег, который не успевал растаять даже в самое теплое лето.

Женщины не расхотелись и продолжали скандировать:

– Смерть или воля!

Подогнали пожарные машины и в течение часа поливали ряды из брандспойта студеной водой. Потом солдаты, оставив оружие, взяли в руки палки и начали избивать женщин по чем попало. Окровавленные, избитые тела вытаскивали из зоны, волокли в тундру и бросали.

Восстание было подавлено. Членов комитетов, активистов после страшных избиений, пыток отправили по местным тюрьмам. Днем и ночью шли допросы. Держалось еще пятое отделение.

Поздно вечером в комнату, где поселился Кузнецов, вбежал взлохмаченный испуганный Семенов.

– Ну что, полковник? Кажется, нам пришел конец!

– Кузнецов резко поднялся с кровати и упавшим голосом спросил:

– Что произошло?

– А то, что решением Пленума ЦК КПСС арестован Берия, Гоглидзе и все ближайшие помощники.

У полковника лицо исказилось в ужасной гримасе страха, веки стали дергаться. Он заметался по комнате, сбивая углы, как слепой при пожаре.

– В Москву. Срочно в Москву.

Вечером комиссия Кузнецова спешно покинула Норильск.

Расстрел стачечного оплота

Администрация пятого лагерного отделения, так и не дождавшись руководящих указаний на дальнейшие действия, решила взять инициативу на себя. Последовать примеру Кузнецова и подавить бунт силой.

К этому времени по Енисею прибыло два вооруженных полка войск МВД.

На оперативном заседании обсуждался план будущих действий. Руководитель разгрома, прилетевший из Красноярска, начальник Краевого Управления МВД генерал Павлючек, развалившись на стуле, внимательно слушал выступление докладчиков, делая какие-то пометки у себя в блокноте.

Старший оперуполномоченный Егоров, немного заикаясь, начал первым:

– Я организовал группу из уголовников, более сорока человек и откомандировал их в распоряжение начальника центральной тюрьмы «Каларгон» лейтенанта Ширяева. Задачей группы будет чинить самосуд и расправу над арестованными в ходе восстания активистами, чтобы навсегда отбить у них желание на бунты.

У Ширяева заблестели глаза, он радостно потер ладоши. Все его знали как убийцу и садиста, который переломал у себя в тюрьме не один десяток заключенных. Поэтому многие из окружающих его просто боялись.

– Ты только здорово не усердствуй. А то некому будет на комбинате работать, – вступил в разговор Павлючек. – В нашем распоряжении будет два вооруженных полка войск МВД. Плюс на предприятиях прошли партийные и комсомольские собрания. Из рядов добровольцев мы создали отряд. Ребята все надежные. Они себя уже сейчас называют «карателями».

– Правильно называют, товарищ генерал. Только карательными методами мы можем подавить этих недобитых фашистов! – Ширяев встал по стойке смирно.

– Да садись ты, – махнул рукой генерал.

Мрачное здание кирпичного завода, покрытое толстым слоем производственной пыли, отделялось от пятого отделения рядами столбов с колючей проволокой. На смотровую вышку поднялись два офицера и начали устанавливать пулемет.

Полярное солнце, освещая крыши бараков, катилось по горизонту, чтобы подняться снова на востоке. Зона уже мирно спала, лишь кое-где еще был слышен негромкий разговор.

Часы показывали двадцать три часа сорок пять минут, когда в лагерь на полном ходу, сметая ворота, ворвалось десять автомашин с автоматчиками.

На крышах кабин были установлены пулеметы. Солдаты, выпрыгивая из машин, открыли огонь по баракам, стреляя короткими очередями. Пулеметные очереди в щепки разносили деревянную обшивку и штукатурку. Звон битого стекла и лязганье пуль об металлические решетки слились с криками и стонами, накрыв зону пеленой пороховых газов, дыма и пыли.

Заключенные, выскакивая из помещений, попадали под шквалистый огонь. Пытаясь найти укрытие от пуль, метались по двору и между бараками, как загнанные звери. Солдаты, прижавшись спинами к автомашинам, стреляли выборочно одиночными выстрелами.

Неудержимы были в своих стараниях добровольцы – «каратели». Они подбегали к входам в бараки, стреляли внутрь и в упор, расстреливая выбегающих заключенных. Опустошив свои рожки, расстреляв все патроны, уже откровенно стали добивать раненых прикладами и штыками, даже тех, кто уже стоял на коленях, обхватив руками голову.

Через полчаса в зоне началась фильтрация. Оставшихся в живых и руководителей мятежа, причастных к лагерному самоуправлению, машинами отправляли в центральную тюрьму на расправу к уголовникам.

Тяжелораненых пристреливали или добивали штыками. Остальных раненых стаскивали в одну кучу у ворот.

На территорию отделения въехало три пожарных машины. Струями воды под напором сначала прошлись по раненым, потом по двору и баракам, смывая кровь.

Убитых никто не считал. Их грузили в самосвалы, подводы и увозили в неизвестном направлении. Часть в спешном порядке закапывали бульдозером в ямы под горой Шмидта, часть отправляли в Дудинку, где тайно сгружали на левом берегу Енисея в нескольких километрах вниз по течению.

Августа Михайловна сидела у себя в кабинете, пересматривая заявки на дневное довольствие заключенных. Каждый день приходилось исключать из списков по пять – десять человек без каких-либо вразумительных документов и актов.

В дверь кабинета постучали:

– Августа Михайловна вас вызывает начальник управления.

В кабинете начальника сидел незнакомый ей генерал, два офицера госбезопасности и ее непосредственный начальник.

– Здравствуйте, Августа Михайловна. Прочтите, пожалуйста, поочередно и внимательно, – генерал протянул ей три серых листка с телефонограммами.

Та взяла их в руки. Стала внимательно вчитываться в текст. Суть телеграмм была такова.

Начальник управления НКВД Диксона просит оказать ему посильную помощь в завершении строительства морского порта, и для проведения опалубочных работ ему необходимо девяносто заключенных строителей.

Новый начальник Горлага Царев идет навстречу и в ответной телеграмме сообщает, что первого августа 1953 года заключенные в количестве девяносто человек отправлены из Дудинки в Диксон такой-то баржой.

К этим двум телеграммам добавлялась еще одна с промежуточного поста Караул на Енисее. В ней сообщалось, что баржа с заключенными в районе поселка Казанцева села на мель и затонула.

Генерал протянул уже печатный лист:

– А это непосредственно Вам.

На листе с многочисленными утверждающими подписями было распоряжение:

«Главному бухгалтеру Отдела общественного питания при НКВД СССР Управления Норильских лагерей тов. Деревниной А.М.

В соответствии с прилагаемыми документами прошу вас снять с дневного довольствия заключенных в количестве девяносто человек. Список прилагается. Подпись».

Августа Михайловна знала, что за вчерашний день не поступила заявка на питание на двести десять заключенных, только по пятому отделению, поэтому она вопросительно посмотрела на генерала.

– Да-да, матушка. Вот такая неприятность, – он развел руками.

– Никакая я вам не матушка, товарищ генерал. У меня есть имя и отчество. Не знаю, как вы будете списывать остальных убитых, а принимать участие и замечать следы в ваших кровавых расстрельных делах я не собираюсь. Снимать с довольствия заключенных я буду

только тогда, когда у меня на руках будут все правовые акты. Я могу идти? – она встала со стула и вышла из кабинета.

– Это что еще за выпендрей? Кто она такая? – новый начальник управления Царев в недоумении посмотрел на присутствующих.

Встал начальник отдела. Подтянутый, стройный, опрятный вытянул руки по швам и четко поставленным голосом сказал:

– Деревнина Августа Михайловна. Коммунист. Образование высшее. Жена подло убитого год назад комиссара. С мужем принимала участие в восстановлении Советской власти на побережье Арктики от Мурманска до Диксона.

Послесловие

Первый день сентября порадовал теплом настоящего «бабьего лета». Лучи заходящего солнца слепили часовых на вышках. Через небольшие оконные проемы, с которых совсем недавно сняли металлические решетки, заглядывали внутрь бараков, прогревали оштукатуренные стены. Обилие света и тепла, проникнув в темные и мрачные помещения, стаскивало его обитателей с двухъярусных нар, выталкивая наружу. Скоро практически все заключенные шестой женской зоны вышли во двор, столпившись около своих бараков, подставляя лица к солнцу, зависшему над просторами тундры. И вдруг из толпы послышался крик:

– Бабы! Бабаньки смотрите. Снега нет!

– Августа Михайловна, смотрите! – одна из женщин показывала рукой в сторону гор.

Взоры тысяч глаз, перешагнув через ряды колючей проволоки, были обращены на межгорье северного склона, где впервые за все время, несмотря на прохладное лето, снег растаял полностью. Толпа радостно загудела, кое-где послышался плач.

А еще через неделю впадины и склоны гор были покрыты толстым слоем уже нового выпавшего снега.

Каларгон

Предисловие

1970 год. Мы с другом Петей в выходные решили съездить с ночёвкой на осеннюю охоту. Он хорошо знал те места, где мы собирались побродить с ружьями. Утром на станции «Октябрьская площадь» сели в электричку, которая ходила до аэропорта Алыкель, и через сорок минут вышли на переезде Каларгон.

Углубляясь в тундру, пошли по тропинке мимо окутанных колючей проволокой и металлической арматурой высоких бетонных серых стен, действующей каларгонской тюрьмы. Петя сказал:

– Кузница смерти.

– Почему?

– Мой дядька в пятьдесят третьем здесь сидел. Такое рассказывал. Бухенвальд и Освенцим отдыхают.

Из цилиндрической сторожевой вышки, перегнувшись через бордюр, за нашим передвижением внимательно наблюдал караульный. Я поднял голову вверх, разглядывая краснопогонного солдата. Мы с Петей демобилизовались чуть больше года назад, поэтому я поинтересовался у часового:

– Долго еще до дембеля?

– А тобі чого? Ти проходи не затримуйся. Нам з вашим братом розмовляти заборонено.

– Ну, извини. Сестру мы с собой не взяли.

– Я дивлюся тут всі дуже розумні ходять. Ось я зараз стрільну, так подивлюся, як ви отселя в тундру побіжите.

– А в ответ получить не боишься?

Петя дернул меня за рукав.

– Не связывайся с ним. Ты что не знаешь, в эти войска берут только безмозглых придурков.

– Чого ти вякнув?

На вышке лязгнул затвор. Мы обернулись. Патрон выскочил из автомата стражника, описав в воздухе дугу бесшумно упал в траву. Часовой в растерянности посмотрел вниз:

– Хлопці. Киньте патрон, будь ласка. Начальник варти мене вб'є.

– А газету тебе не помять?

– От які ви сволочі. Ну почекайте. Будете ще повертатися.

Мы, не оборачиваясь, пошли дальше. Вышли к речке Далдыкан, перешли вброд почти высохшее русло и пошли по тундре. Погода стояла относительно теплой, но комары не донимали. Мошка, спрятавшись в траве, потревоженная нашими ногами, поднималась над кустами серым облачком и снова падала в траву. Но стоило нагнуться к ягоде и опустить голову, как тут же облепляла лицо. Кустарники голубики были обвешаны уже перезревшей ягодой, под ногами стелился сплошной ковер брусничника. Местами попадали поляны морошки. Стоило только дотронуться до ее стебля, как ягоды опадали, закатываясь и маскируясь в покрывале ягеля.

– Володя. Подойди, – Петя махнул мне рукой.

Я подошел. У его ног лежал человеческий череп и груда костей белого матового цвета.

– Я тебе говорил про кузницу смерти?

Он присел, развязал рюкзак и стал аккуратно складывать находку внутрь.

– И куда потом? – спросил я.

– Оставим у какой-нибудь избы.

Мы уже изрядно устали, решили отдохнуть и перекусить в первой же избушке, которая попадется на пути. Это были скорее не избы, а палатки. Представляли они собой деревянные каркасы, обтянутые брезентом или вентиляционным рукавом. Во всю ширину палаток всегда были сколочены нары на несколько человек. Во многих были установлены титановые или из нержавеющей стали печки-буржуйки. Чего-чего, а этого металла в Норильске было в изобилии.

Скоро подошли к одной из таких палаток. Петя стал обходить ее вокруг и вдруг окликнул меня.

– Смотри.

У стены на земле были уложены пирамидой более десяти человеческих черепов и большое количество костей. Он развязал свой рюкзак и добавил к пирамиде еще один череп.

Мы уже перекусили и собирались немного отдохнуть на нарах, когда услышали мужские голоса. В палатку зашли двое. Один из них был нашего возраста, а другой значительно старше.

– Привет, охотники, – сказал старший. – Меня зовут Сергей. Это моя избушка.

Мы поздоровались.

– Да мы зашли немного перекусить. Сейчас уходим.

– Я вас не гоню. Места думаю всем хватит. Мы с племянником решили посидеть на вечерней зорьке, гуся покараулить. Пока шли, табун оленей встретили голов на тридцать. На Пясино попер.

– Мы тоже видели. Два табуна.

– А как у вас успехи?

– Пока десяток куропаток, да две полярки. По речке в основном гагары, нырки да шилохвостки, а их стрелять, так проще рыбы наловить и уху сварить, вкус тот же.

– Верно. Вонючие утки, да и мясо, как наждачная бумага.

После короткого знакомства разговор продолжился. Сергей оказался участковым из поселка Кайеркан.

– Мы вам тут еще один череп в пирамиду добавили, – сказал Петя.

– Если бы вы, ребятишки, знали, сколько их вокруг. Вот я знаю здесь более десяти палаток и избушек вплоть до озера Пясино, и практически у каждой такие пирамиды. А вот там – он показал в окошко на северо-западный склон Норильского плато – палатка моего друга. Она практически рядом с шахтой. У нее через каждые тридцать метров кости и черепа.

Мы замолчали.

– А почему никто не собирает? Можно же их захоронить – спросил я.

– Ты представляешь сам, что такое захоронить официально? Прежде чем это сделать на каждый череп нужно заводить уголовное дело, проводить расследование, собирать материалы, искать свидетелей. Представляешь себе цепочку дел и количество занятых в ней? И это только юридическая сторона. А сейчас чуток вникни в политическую. Большинство бывших причастных, знающих и отдававших приказы еще живы, здоровы и также занимают государственные посты, а некоторые взобрались еще выше. Они дадут это сделать? Вот когда они уйдут со сцены, только тогда возможны какие-то подвижки. Я не утверждаю, а говорю возможны. Причем толчок этим подвижкам должны дать родственники. А как ты думаешь, много их в живых останется к тому времени? Вот и я о том. А на государственном уровне это будет замалчиваться, и чем дольше – тем лучше.

Часть 1

В сотне метров от железнодорожных путей самой северной трассы Норильск – Дудинка, находящейся в предгорной части северной оконечности Норильского плато в шестнадцати километрах к западу от Норильска, в 1935 году геологами было открыто Каларгонское место-

рождение цементных известняков. Естественно, разработка месторождения начала осуществляться силами заключённых Норильлага.

Скоро была заложена первая шахта для подземной отработки известняков, построена печь для обжига извести, которая загружалась слоями, попеременно с углем. Готовая продукция тачками отвозилась на склад.

Первый вертикальный шурф горной выработки геологической разведки глубиной более тридцати метров засыпать не стали. Огородили метровым заборчиком и использовали в дальнейшем как могильник.

Недалеко от шахты в сжатые сроки был построен штрафной лагерный изолятор. Для исключения случаев побега при помощи разбора проемов в стене по всему периметру высоких бетонных оград снаружи закрепили металлические прутья. Межкамерные перегородки имели такую толщину, которая предотвращала проникновение любого звука. Это делало невозможным передачу какой-либо информации голосом или при помощи тюремной азбуки. На окраску стен изнутри и снаружи извести не жалели, так как ее было в избытке, но после первых же дождей светлое здание стало темно-серым.

Серым снаружи и черным, по сути, Каларгон вошел в Норильский особый лагерный пункт в составе пятого лагерного отделения. Именно с этого периода штрафной изолятор стал обретать свою зловещую славу, в дальнейшем прозванный заключёнными Норильских лагерей как «Мясокомбинат имени Ширяева».

Ширяев – старший лейтенант небольшого роста, плотный крепыш. Службу во внутренних войсках понимал как право абсолютной власти. Большое удовольствие получал от причинения физической боли и страданий другим людям, что выдавало его садистские наклонности. Взрывной неуправляемый характер превращал его в зверя, жаждущего постоянной крови. Глумясь над заключенными, избивая их руками, ногами, придумывая новые способы истязаний, устраивая публичные расстрелы, показывал всем верховенство своей власти над другими.

Зная эти его качества, многие из администрации лагерей на всех уровнях не только побаивались его, а откровенно боялись. Поэтому при первой же возможности откомандировали подальше от Норильска, подобрав самую подходящую для него должность – начальник тюрьмы Каларгон.

Здесь на вверенной ему территории умирляли лагерных уголовников-убийц. Ломали, истязали непокорных политэков и прочий лагерный контингент. С наиболее опасными и злостными нарушителями лагерного режима не церемонились – расстреливали «при попытке к бегству». Трупы отвозили на рядом стоящий известняковый рудник, сбрасывали в горизонтальный шурф, и присыпали породой. А в ночное время сжигали в обжиговой печи.

Часть 2

Станция Каларгон находилась со стороны реки, протекающей рядом. По рассказам, здесь когда-то находился небольшой станок из нескольких яранг, в которых жили местные нганасане-оленоводы. И вот приехали в эти места геологи, разбили палатки и стали вести разведку полезных ископаемых. В отряде из пяти человек выделялся один очень высокого роста. Местные подружились с ним и прозвали его Дылдой.

Через речку у поселения был сооружен небольшой мосток. Как-то Дылда, будучи в изрядном подпитии, упал с этого мостика прямо в реку. Нганасане увидели это падение и бегом устремились к палаткам геологов с криком:

– Дылда канул! Дылда канул! – Так безымянная речка обрела свое название – Далдыкан.

В этой тюрьме содержался не только особо опасный лагерный контингент. Начальник Норильлага по ходатайству администрации любого лагерного отделения мог определить сюда

заклученного на два месяца. Большой срок не давали, потому что на штрафном пайке протянуть и выжить дольше не мог никто.

«Загремень» на Каларгон можно было и по достаточно банальным поводам: личной неприязни администрации или надуманных обвинений охраны. Из этого зловещего, действительно страшного места практически никто живым не выходил. Для заключенных, осужденных по политической статье, это была настоящая Голгофа.

Только в нескольких камерах имелось отопление. Можно только представить, сколько мог продержаться человек в холодном помещении полярной зимой. Для того и строилось это зловещее здание – отнять жизнь.

Чтобы арестованного усмирить, выбить из него нужные показания у «специалистов» тюрьмы существовало множество «отработанных» на «живом материале» способов. В частности, не желающих «добровольно во всем признаться» во время следствия могли для начала «воткнуть мордой в угол». Поставить лицом к стене по стойке «смирно» без точки опоры, и продержат в таком положении несколько суток без пищи, воды и сна. Падающих в обморок от потери сил избивали, обливали водой и водворяли на прежнее место. К более крепким и «несговорчивым» «врагам народа» к зверским избиениям применялись и более изощренные «методы дознания». Популярностью пользовалась пытка с подвешиванием на дыбу с грузом, привязанным к ногам, чтобы кости вывернутых рук выскакивали из суставов.

Изобретательности издевательств над людьми можно было только ужасаться. «Забить kota в мешке» – очередная придумка. Для того чтобы лишить заключенного возможности хоть как-то уклоняться от ударов, жертву на допросах запикивали в узкий и длинный мешок, который завязывали, опрокидывали на пол. После чего до полусмерти избивали находящегося в мешке палками и сыromятными ремнями.

Применяли методы извращенно-садистского характера и по отношению к женщинам. Привозили их в Каларгон с целью «психического воздействия», но чаще для развлечения. Начальник тюрьмы устраивал так называемые «субботники». Женщин приводили на якобы допросы, раздев догола, подвергая при этом насмешкам и оскорблениям. Если жертвы отказывались вступать с охранкой в контакт по доброй воле, насиловали «хором» прямо в кабинете у следователя.

Часть 3

Строительство Норильского комбината разрасталось и требовало все больше рабочих рук. С открытием навигации вниз по Енисею устремлялись железные баржи с заключенными. По прибытию в Дудинку этапы везли в Норильск по узкоколейке или гнали пешком. Для тех, кому пришлось преодолевать путь в сто километров пешком, в Каларгоне проводили экскурсию «Добро пожаловать в Заполярный круг». Это знакомство было направлено на предварительное запугивание.

Заклучённых загоняли во двор. Выходил Ширяев, с насмешкой и цинизмом обращался к ним с «приветственными словами». Поздравлял этап с прибытием на Крайний Север. Потом поворачивался к начальнику этапа, интересовался, есть ли у него нарушители. Если такие находились, тут же выдергивал их из строя. Начиналась наглядная демонстрация местных традиционных способов усмирения.

Затем Ширяев с гордостью начинал знакомить с местными достопримечательностями, окружающими тюрьму. Подробно рассказывая о прямом и косвенном назначении известняковой шахты и производительности ее обжиговых печей.

Войдя в раж, уже захлеб подробно рассказывал обо всех новых видах пыток, которые использовались здесь применительно к погодным условиям Крайнего Севера. Особенно любил смаковать подробности об издевательстве, известном как «голосовать в полярную ночь».

Заключенного под страхом немедленного расстрела за «попытку к бегству», ставили в мороз с поднятыми вверх руками, оставляя так на протяжении долгого времени. «Голосовать» ставили иногда «крестом», то есть руки в стороны или на одной ноге «цаплей». В таком положении люди оставались до тех пор, пока обмороженные, обессилившие не падали навзничь.

Выслушав «экскурсионный» рассказ, наглядно увидев методы «наставления» на правильный путь, заключенные уже в полной мере имели представление о том, что их ждет впереди.

– Спасибо за внимание! Ждем вас к себе с нетерпением. Наши двери всегда открыты для вас! – С циничной радостью в голосе произносил Ширяев, стрелял вверх из нагана, и этап продолжал движение в сторону Норильска.

Часть 4

Прошли сутки после полного подавления Норильского восстания 1953 года, которое завершилось расстрелом из автоматов и пулеметов последнего оплота стачечного комитета пятого каторжного отделения.

Сюда, в Каларгонскую тюрьму, рассчитанную на сто человек и уже переполненную, везли оставшихся в живых всех причастных к лагерному забастовочному комитету. Оперативники, уголовники, сменяя друг друга, вели допросы с пытками, которые не прекращались ни днем, ни ночью.

Дворовая пристройка котельной, предназначенная для хранения угля, за день заполнялась трупам. Ночью на подводах или машинах их отвозили на шахту. Утром начальник тюрьмы звонил в управление, докладывал об освободившихся местах в камерах.

Изоощряясь в зверствах, кто-то придумал новое правило прохода в тюремную зону – «без последнего».

По прибытии очередной партии заключенных выстраивали в ряд. Подавалась команда: «Бегом в зону марш!». Того, кто последним пересекал линию ворот тюрьмы, выдергивали из общей толпы, отводили в сторону к дворовой стене и расстреливали.

Ширяев сидел за письменным столом и перелистывал дело рецидивиста Зымкина по кличке Пахарь. Квадратная мрачная комната больше напоминала не кабинет, а камеру пыток. К потолку была прикреплена двутавровая балка с ручной талью и массивным крюком. К металлическим закладным, торчащим из стены, была приварена цепь с кандалами на концах. В правом углу стоял большой оцинкованный бак, наполненный водой с торчащими из него розгами. На полках многоярусного стеллажа лежали различные инструменты для пыток. Напротив стола на стене висел портрет Сталина, держащего на руках девочку-таджичку. Надпись внизу гласила «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство».

Ознакомившись с перечнем статей, по которым был осужден заключённый, взгляды ваясь в прикрепленную к делу фотографию, он ударил двумя кулаками по столу и почти прорычал:

– Посмотрим, что ты за сука такая – Пахарь.

Зымкин имел высший статус в иерархии заключенных – блатной. Титул представителя элиты преступного мира – вор в законе, получил, будучи коронованным в Крестах. Когда возникло восстание, он был одним из немногих авторитетов, который не стал направлять своих урок и сталкивать их лбами с политическими. Это бесило администрацию, которая хотела руками уголовников, навести порядок в зонах. С начала восстания и до его подавления он отлеживался в ИТУ больничного типа. На предъяву остальных авторитетов ответил коротко:

– Политика мне до фени. Я еще не ссучился. Пусть они порвут в разборках глотки друг другу.

Нажать с помощью авторитетов на законника не получилось. Тогда администрация решила в его отделении ввести «красную зону»: порядок взять на себя и задавить авторитет вора в законе, ввести жесточайшую дисциплину, когда за малейшее неповиновение следовало

жестокое наказание, а за доноительство в любом виде – поощрение. Пахарь это понимал и, когда в лазарете появились оперативники и объявили, что его следует отконвоировать в Каларгон, совсем не удивился и молча проследовал за ними.

Ширяев захлопнул папку с делом Зымкина.

– Ну что ж. Будем тебя ломать!

Часть 5

Тюрьма была переполнена. Самую большую камеру превратили в так называемый отстойник для «естественной фильтрации». Для этого в тесную коморку, не имеющую окон и вентиляционных отверстий, площадью не более десяти квадратных метров набивали до тридцати человек. После чего ее закрывалась на несколько суток. Люди стояли, плотно прижавшись, друг к другу. Пошевелиться было невозможно. Хуже всего приходилось заключенным, которых запикивали в камеру позже остальных. По всей площади двери снаружи были вбиты большие гвозди, острые концы которых выступали внутрь камеры.

При прикосновении на теле оставались глубокие порезы и проколы. В туалет из «отстойника» не выводили, поэтому естественные надобности люди справляли прямо под себя. Запах разлитой по полу хлорной извести разъедал глаза, зловонье мертвечины вызывало удушье. Прижатые друг к другу в тесноте и духоте, люди испытывали неимоверные мучения, многие из них погибали, но так и оставались стоять, поддерживаемые со всех сторон живыми.

Сутками стояли «враги народа», поддерживая плечами мертвых, скалящихся живым прямо в лицо последней «улыбкой избавления от мук». А над ними, в крошечной тьме, скапливался ядовитый пар, от которого потолок и стены камеры покрывались мерзкой слизью.

Через несколько дней начиналась «чистая фильтрация». Заключенных выводили из камеры. Вытаскивали мертвых и отвозили подводами на гипсовый рудник.

Следующая партия заключённых обмывала стены и полы камеры с хлоркой, подготавливая для себя загон. Конвейер фильтрации продолжал работать.

Тех, кто оставался в живых после первой «естественной фильтрации», отводили под конвоем на «пляж». Это было небольшое озерко диаметром не более тридцати метров и глубиной до полутора, каких было много вокруг. На берегу заключенных заставляли раздеться догола, взять с собой одежду и загоняли в воду. Под страхом расстрела запрещалось выходить в течение долгого времени. Сначала все с удовольствием начинали смывать с себя грязь, стирать пропитанную запахом мертвечины робу.

В верхних слоях вода в теплое время даже хорошо прогревалась. Но после того как десятки рук и ног взбивали ее, она начинала перемешиваться. Внизу, под слоем ила, находился лед вечной мерзлоты. Вода вскоре становилась ледяной. Судорогами начинало сводить ноги, у некоторых не выдерживало сердце. Попытки выйти на берег пресекались предупредительными выстрелами.

Часть 6

Ширяев подошел к массивной, обитой металлом плотно закрытой двери, но даже через нее были слышны глухие крики и стоны. Это уголовники вели предварительную обработку комитетчиков, пытая и избивая их в небольшой комнате. На деревянной табличке двери черной краской было написано: «хозблок». Через некоторое время в комнату входили оперативные работники и начинали допросы. Перед ними стояли, сидели и лежали уже не люди, а что-то похожее на кровавое месиво. С обезображенными лицами и истерзанными телами заключен-

ные, отвечая на заданные вопросы следователя, издавали только свист, открывая рты с полностью выбитыми зубами.

– Бейнер!?

– Я! – В дверном проеме появился старшина, помощник Ширяева, по злобе, извращенности садистских пыток ничем не уступающий своему начальнику.

– Приведи мне этого блатного Пахаря.

– Слушаюсь!

Через несколько минут в кабинет завели заключенного. Невысокого роста, очень худого, какими часто бывают больные туберкулезом. Мужчине было около пятидесяти лет. Впалые карие глаза выражали пустоту, безразличие и усталость. Но при виде человека, сидящего за столом в глазах, появился блеск испепеляющей ненависти. Серая роба висела на нем мешком, отчего он казался слабым и незащищенным. Однако в его резких движениях угадывалась сила, смелость и властность.

– Вызывал, Хозяин?! – блатной снял кепку и, теребя ее в руках, стал осматривать кабинет.

– Что-то у тебя на киче кругом тухлый сходняк, шняга полная. Стойла в индии забиты. Кругом шухер, янычары свирепствуют, прессуют.

Он невозмутимо, пристально уставился в глаза Ширяева.

– А ну, доложи по форме, – лицо лейтенанта стало покрываться пятнами.

– Ты что, начальник. Совсем тут нюх потерял? Давай ботай, для чего меня в это стойло притарабанили, с больничной шконки стащили?

Лейтенант сжал под столом кулаки, но сдержал себя и, подсев ближе, спросил:

– Ты мне, Пахарь, ответь только на один вопрос, – он начал сверлить собеседника пристальным, пронизывающим холодным взглядом. – Почему твои уголовнички отказались ехать в Каларгон и помогать здесь нам? А в лагере не сдали ни одного из комитетчиков?

– Хозяин, ты хочешь, чтобы я, вор в законе, ссучился и стал вором в загоне? Ты что думаешь, Пахарь залетел к кумовьям на кукан и стал крутить бейцалы? Ты правишь здесь по своему закону, я правлю там по понятиям. Братва в теме: я по беспределу осину гнуть не буду. Ты меня в эту шнягу с макрухой не втаскивай. В ваших разборках с пятьдесят восьмыми сводите рамсы сами, а я еще шнифты не отморозил.

Ширяев после таких слов уже не мог сдержаться. Садист, собственноручно переломавший здесь не один десяток эзков, вскочил со стула и ударил кулаком в лицо Пахаря. Тот пошатнулся, но на ногах устоял. Поднять руку на вора в законе редко кто осмеливался на любом уровне администрации и охраны лагерей, но Ширяев посмел.

– Непонятки в раскладе, начальник. Ты что, совсем попутал? Каларгон красной зоной решил накрыть? Авторитеты воров отжать хочешь, опустить?

– Я тебя сейчас, сучье поганое, в мерзлоту опущу.

Он достал наган и, не целясь, выстрелил в ногу Пахарю, который завалился на бок и стал корчиться от боли, но вслух не произнес ни слова, даже не застонал.

– Бейнер! – в дверях появился конвойный, грудь и низ гимнастерки были пропитаны кровью.

– Бейнер на допросе, товарищ старший лейтенант. Я вас слушаю!

Ширяев брезгливо посмотрел на вошедшего и, пряча наган в кобуру, прошипел:

– Сколько можно вам говорить, безмозглые ублюдки? Форму беречь надо. Когда только вы научитесь, одевать фартуки на работе. – Он посмотрел на лежащего на каменном полу вора в законе, немного подумал и выдал из себя.

– Этого во двор. А вечером в «зону отдыха» на ночь.

– Слушаюсь!

– И давай ко мне комитетчика Нестерова.

Конвойный схватил за воротник Пахаря и потащил по узкому коридору во двор. Уголовники, попадающиеся на пути, вжимаясь в стены, смотрели на блатного, на их лицах застыл страх и немой вопрос.

– Перо. Перо мне, – хрипел Пахарь, глядя в глаза прижавшимся к стене уголовникам, большинство из которых были осуждены за бандитизм и службу в националистических отрядах Украины. Это они усердствовали на допросах, избивая и пытая политических.

Конвойный вытащил блатного в прогулочный двор и оставил у стены.

– Шняга полная. Вокруг шныри позорные. Нормальной братвы нет. Одни только ссученные бендеровские отморозки, – простонал Пахарь и начал стягивать с себя робу.

Разорвал майку на груди и стал перевязывать простреленную ногу. Все его тело пестрело синевой татуировок. На плечах – эполеты, особый знак отличия за серьезные дела. На груди – профиль Ленина как символ вора. Вор – Вождь Октябрьской Революции. Профиль Сталина – защита от пули чекиста. На ключицах и коленях – звезды, отличительный знак авторитетов, означающий «Никогда не встану на колени перед ментами». На спине – храм с куполами и крестами, одна из самых распространенных тюремных татуировок. Когда человек попадает в тюрьму, ему набивают купол. Когда он полностью отбывает свой срок, на куполе появляется крест.

Часть 7

Когда доставили заключенного по кличке Миноукладчик, Ширяев не поднял даже головы. Он тупо смотрел на лежащую перед ним папку с делом. Не давал покоя вопрос – как поступить с Пахарем? Он мог подвергнуть его любой пытке, мог просто расстрелять, но боялся лишь одного. Как только слухи, об убийстве авторитета достигнут Норильского лагеря, уголовники сразу перейдут к саботажу и неповиновению. А имея за плечами печальный опыт только что подавленного восстания, Ширяев понимал, за новый бунт ему, как виновнику, придется заплатить достаточно высокую цену. Тогда у администрации появиться шанс сделать из него «козла отпущения».

«Надо подождать. Случай выдернуть сюда Пахаря всегда найдется», – с этой мыслью он открыл папку и, перелистывая страницы, начал вчитываться в лежащее на столе дело. Поднял голову и посмотрел на заключенного.

– Что же вы, фашисты, никак не уйметесь? Государство оставило вам самое дорогое – жизнь. Сопели бы по-тихому в две дырочки, да отрабатывали свои грехи перед Родиной. Нет, вам восстание подавай. Комитеты. Вот шлепну я тебя сейчас. Думаешь, кто-нибудь заплачет? Нет. Родина мне только спасибо скажет. Меньше будет на одного врага народа, и мир станет светлее.

Он внимательно следил за реакцией на его слова стоящего перед ним политзаключенного. Нестеров был невозмутим. Держа руки за спиной, всем видом показывал, что готов ко всему. Даже когда Ширяев достал из кобуры наган и положил на стол, ни один мускул не дрогнул на его лице.

– Я сегодня добрый. Мучить тебя не буду. Разнесу на хрен мозги твои куриные по стенке. Зато смерть благородная и быстрая – он поднял наган.

– Что молчишь? За такую смерть многие благодарят. Ты же у нас герой-бунтарь, или в штаны от страха насрал?

Заключенный переступил с ноги на ногу и язвительно ответил:

– Спасибо, гражданин начальник. Только и тебе недолго осталось беспредел здесь творить, когда возьмут тебя за жопу, как Берию. Смотри, сам не обосрись.

– Вот это разговор! Но пока до моей жопы доберутся, я вас еще ни один десяток здесь грохну.

Прогремел выстрел. Пуля срикошетила от стены, ударила в висящие оковы с цепями, затем в потолок и с шипением упала на стол, прямо на папку с делом заключенного. Ширяев завороченно смотрел на сплюснутый свинец прожигающий папку. Затем стряхнул пулю на пол.

– Живи пока, Петр Васильевич. Позор Красной Армии, – он спрятал наган.

– Бейнер, или кто там?! Уведи эту мразь во двор. Пусть посидит с Пахарем. Я потом решу, что с ним делать.

Часть 8

Они сидели молча на земляном полу, прижавшись спинами к бетонной стене. Августовское солнце, приятно ласкало лица теплом, пробиваясь через молочную дымку испарения, зависшего над тундрой. Бакланы с гортанным криком кружили над двориком, помойкой, расположенной недалеко от стен тюрьмы. Дверь центрального блока отворилась. Двое уголовников волоком протащили по двору чье-то бездыханное тело и уложили в угольнике.

– Еще один зажурился. Хозяин по беспределу бычит, – Пахарь наклонился и стал поглаживать раненую ногу.

Возвращаясь и проходя мимо сидящих у стены, один из уголовников как бы нечаянно споткнулся, и на колени Пахарю упал коробок спичек.

– Стрептоцид, – прошептал он. – Заточку мышкуем.

Пахарь оживился, глаза заблестели. Он высыпал из коробка на ладонь немного белого порошка, часть опрокинул себе в рот, другую начал втирать в рану. Повернулся к наблюдавшему за его действиями соседу и спросил:

– Ты кто по жизни? Откуда у тебя такое погоняло – Миноукладчик?

– Долго об этом рассказывать.

– А ты не бычься. Сбрось гордыню, выйди на маяк. Тебе что, за падло со мной побазарить? Или ты задумал на лыжи встать?

– Базарят бабки на базаре, мы по жизни речь толкуем. Так, кажется, на вашем жаргоне правильно будет ответить?

– Молодец. Фартовый парень. Я тебя сначала за чушкана принял. Но смотрю, ты – мужик.

– Так ходка к десятому годку подвалила. За это время и заяц лаять научиться.

– За что загремел?

– В сорок четвертом на этот кулак политрука надел, – он показал левую руку, на которой отсутствовало два пальца. – Уж очень сволочной и трусливый мужик был. Его как в сорок первом году напугали, так он до сорок четвертого прийти в себя не мог. Везде ему мерещились предатели, изменники и самострелы. Сам с нами по передовой не шастал, когда бои начинались, всегда животом очень маялся, но медалей и орденов нахватать успел.

– А как пальцы потерял?

– Тебе интересно?

– Мы с тобой что, рамсы сводим? Перетереть про судьбу всегда не грех. У Хозяина крыша сдвинулась, лютует зверски. В любой момент грохнуть может без отпущения грехов. Так что, не красней.

– Ну, слушай. Был у нас в дивизии отдельный полк истребителей танков на 1-ом Украинском фронте. Было мне двадцать лет. Служил я командиром взвода минеров. В январе сорок четвертого началась Корсунь-Шевченковская фронтовая операция. Слышал про такую?

– Так матюгальники во всех зонах стоят. А в войну с побудки до отбоя по ушам долбили сводки с фронтов. Как здесь не услышишь?

– Короче, устроили мы им котел не хуже второго Сталинграда. Вот они решили сделать попытку вырваться из окружения. Манштейн бросил против нас более двадцати танковых

соединений. А главное эсэсовские дивизии «Адольф Гитлер», «Викинг», «Великая Германия». Понятно, что наш полк на передовых позициях первым должен был принять удар. Ночью нас, человек сто пятьдесят, бросили на укладку мин в районе предполагаемого наступления. Там потом на поле мы и остались. Вырыли себе окопчики. У каждого офицера и бойца было по две-три противотанковые мины, танковые гранаты, не считая автоматов. К минам привязали тротильные шашки с бикфордовыми шнурами и стали ждать наступления. Ночь была не очень морозной, да и спирт у всех был. За здоровье и упокой выдали нам аж по четыре наркомовских пайка. Сидели в окопчиках, кемарили, согревали себя глотками из фляжки.

– А зачем к минам еще и шашки, там же взрыватели есть?

– А ты слушай дальше. Когда немцы пошли на прорыв, мы ужаснулись. Более трехсот танков шли на полной скорости сплошной стеной, почти бок о бок в несколько рядов на участке шириной пятьсот метров. Я как увидел это зрелище, очень мне тоскливо стало. Рев моторов, грохот, взрывы. Думаю, пройдет по полю такая масса, и пахать не надо.

Железная армада со всей дури рванула нам в лоб. Их пехота сразу отстала, облегчая нашу задачу. А когда первые танки начали взрываться на наших минах и от нашей артиллерии, бьющей прямой наводкой, мы вообще повеселели. Ползали на брюхе как ужи, стараясь уложить мины по ходу танка. Оставаться на месте было нельзя. Зазевался – считай, пропало. Наматывает тебя танк на гусеницы. Хорошо, что мину с собой волочешь. Тебя в земле сплющит, но и сам на воздух взлетит. Если танк проходил рядом, не наезжал на мину, я ее выдергивал, поджигал шнур и пробовал закинуть на моторный отсек. Если догнать танк не получалось, обрезал шнур и ждал следующий. Вот прошел «Леопард», я за ним бегом. Мину так удачно забросил и уж было сиганул в воронку, как раздался взрыв. То ли моя сработала, то ли снаряд рядом разорвался, понять не успел. Бросило меня в воронку, почувствовал боль ужасную. Здорово посеколо меня мелочёвкой. Смотрю на руку, а там вместо кисти, месиво кровавое. Я давай пересчитывать пальцы, и получается у меня их семь. Еще раз пересчитал, ничего понять не могу. Это потом ясно стало, кости подрезало, и они висели на коже, а я считал и торчащие кости, и кожу.

Он замолчал и, посмотрев на Пахаря, сказал:

– Табачку бы сейчас.

– Какой базар, держи, – блатной запустил руку за пазуху, достал папиросу, спички, протянул рассказчику и закурил сам. Сделав глубокую затяжку, Нестеров продолжил рассказ:

– Руку я, как мог, перевязал, даже умудрился кинуть последнюю гранату под гусеницу проходящего рядом танка. Подбросило его, и уткнулся он стволом в землю. Немцы в люк, а я их из автомата.

Бой уже шел несколько часов, меня стало вырубать, много крови потерял. Очнувшись, когда санитары нас стали подбирать по полю. Живых, как я, набралось двенадцать человек из ста пятидесяти. Остальных гусеницами перепахали.

Вечером пришли машины за ранеными. Командир полка от своего имени и от имени командующего фронтом Николая Федоровича Ватутина сердечно поздравил нас с блестящей победой. Всех участников битвы внесли в списки для предоставления к правительственным наградам. И меня в том числе. Тут вдруг подходит ко мне политрук, в глаза не смотрит и так ехидно спрашивает: «А как это тебя взводный так угораздило получить ранение, что рука целая, а пальцев нет? Очень уж это на самострел смахивает».

Я ошолбенел от неожиданности, не знаю, что ответить. А он повернулся к уполномоченному ОГПУ полка и продолжает: «Я думаю нельзя взводного к награде представлять. Сначала все проверить бы желательно».

Смотрю, «особиста» всего передернуло. Он точно знал, что это за говно – политрук. «Слушай, комиссар! Что ты здесь херней страдаешь? Ребята ранены, из такой передеряги героями вышли. Ты глаза открой. Посмотри на это фашистское танковое кладбище,» – уполномо-

ченный показал в сторону заснеженного поля, чернеющего дымящей, сожженной, взорванной и развороченной техники.

Политрук ответил: «Так вижу. Но кто-то взрывал, под танки ложился, а кто-то и пальцы себе отстреливал».

Такая обида меня пронзила. И я не сдержался: «Ах ты, сука трусливая!»

Не помню, как все произошло, но вмазал я ему раненой рукой от всей души. И надо было такому случиться, политрук упал и затылком ударился об ящик с минами. Сильно ударился, пока везли в лазарет в сознание так и не пришел. Через день военный трибунал дивизии приговорил меня к пяти годам. После оглашения наказания подошел ко мне «особист», снял со своей гимнастерки медаль и, глядя мне в глаза, сказал: «Ты просто опередил меня, Нестеров», – и сунул мне ее в руку.

Из-за ранения в штрафбат не отправили. Так как политрук помер, состоялся еще один суд, и тройка постоянных членов приговорила меня уже по статье пятьдесят восемь. Долго искали, к какому пункту меня привязать. Остановились на восьмом «За покушение на жизнь представителя советской власти».

Часть 9

Нестеров сделал последнюю глубокую затяжку.

– Ну, ты жиган! – с нескрываемой гордостью сказал Пахарь. Оба надолго замолчали.

– Чем тебе наш зверь угрожал? Смотрю, тебя даже через пресс-хату не пустили.

– Стрельнул мимо меня и сказал, живи пока.

– Значит, подлянку задумал «Ворошиловский стрелок». От него политические просто так не отползают, только зажмурившись, уходят. Я дам тебе наводку. Просись в клозет. Вторая доска справа, на потолке. Там схрон – пилка металлическая. Забери, может пригодиться. У них летом есть развлекаловка одна у озера – «Ночной пляж» называется. Разденут догола и посадят на чурбан, замороженный в берег. А кандалы в скобу проденут. И будут иметь тебя комарики с мошкой всю ночь во все дыры. А потом, что останется от тебя, песцам на хавку. От кандалов не уйдешь, там цепь стальная, зубы обломаешь, а скобу соплей перепилить можно. Будет выбор, садись на крайний правый, там металл мягкий, наш кузнец старался. Встанешь на лыжи, хлебалом не щелкай, канай к шпалам. Там каждые три часа змея ползет на Дудинку. Гайдамаки за тобой только после утреннего развода нагрянут.

– А тебя что ждет?

– Я еще хочу зубы посушить. Хозяин крысу во мне увидел, укачало его по ходу, хочет взять меня за жабры, но сам он конь бздливый. Потому что, по птичьим меркам, он петух, а я вор в законе. Бойтся, кипишь в зонах начнётся, а это для него вилы. Да и огорчил он меня очень. По вывеске вмазал, юшку пустил, богоны продырявив. Так масть легла, задолжал я ему сегодня, а долг не отдать – мне запаadlo. Я с крематория слиняю, но клыки покажу. Уж очень хочется мне взять его под красный галстук.

По двору двое уголовников протащили еще одно тело. Возвращаясь назад, остановились у стены рядом с Пахарем, на его колени упала заточка. Он незаметным движением спрятал ее в сапог.

– Ты, что ли, Миноукладчик? Тебя охранка велела в «стойло» привести. Определили тебе «ночной пляж».

– Братва! Дайте чушкану в галюн метнуться. А то уже завонял все кругом. Зенки аж режет, – Пахарь подмигнул своему соседу.

– Ладно. Давай мухой. Веревку не глотай.

Миноукладчик пробежал через двор и закрыл за собой дверь клозета. Один из уголовников посмотрел на законника и спросил:

– А ты что, Пахарь, так за него мазу держишь? Он же фашист.

– Откуда это жижа булькает? Ты, бивень обломанный, куда ты рога суешь? Хлебало закрой. Ты, сявка, мне предьяву выдвигать? Слушай сюда. Скажи операм, что Пахарь перетереть с хозяином хочет. Ушки держите вострее, дело у меня кипишное намечается. Может в жмурики поиграть придётся. Миноукладчик – пацан по теме. Его не калечить, должен я ему...

– Базара нет.

Из галюна вышел Нестеров и, подойдя к Пахарю, сказал:

– Ну, прощай! Наверное, уже не свидимся. Спасибо за табачок. За то, что выслушал.

– Чеши с богом, жиган! – авторитет достал спичечный коробок, высыпал на ладонь горсть стрептоцида и опрокинул в рот.

Троица, по привычке закинув руки за спину, направились в центральный блок.

Часть 10

В десять часов вечера двое охранников под конвоем вывели за ворота Миноукладчика. На его руках висели кандалы с массивной цепью, которая свисала до земли. Каждый шаг сопровождался ритмичным звоном, который заглушил проходящий мимо товарный состав. С башенной вышки, перегнувшись через перила, за их передвижением наблюдал часовой:

– На пляж?! – поинтересовался он.

– А куда еще. В расход мы и во дворе бы пустили, – конвоиры дружно рассмеялись.

Миноукладчик шел, обреченно опустив голову. В его сознании никак не укладывалась мысль. Откуда у живущих в одной стране людей накопилось столько злобы и ненависти друг к другу. У людей, вместе идущих под общими лозунгами к одной, большой великой цели – светлому будущему. Как так получилось, что «светлое будущее» разделилось? И одни пошли к «светлому» с ружьями, а другие к «будущему» под ружьем? Шли по одному тоннелю. Те, которые шли с ружьями, через прицел отыскивали это «светлое» в конце тоннеля. А те, что шли под ружьем, вдруг натыкались на стенку «будущего», даже не дойдя до конца тоннеля.

Обойдя тюрьму, направились к небольшому озерку, окруженному густым кустарником багульника и голубики. Из травы с шумом поднялся на крыло выводок куропатки. Береговой склон был усыпан сплошным ковром брусники с крупными созревающими ягодами. На поверхности из земли торчали три пенька с закрепленными насквозь металлическими скобами. Бревна лиственниц уходили глубоко в мерзлоту.

– Раздевайся, фашист, и выбирай, где сядешь, – охранники, не выпуская из вида заключенного, отмахиваясь от комаров, собирали в ладони зрелую бруснику и, закидывая головы, забрасывали ее горстями в рот.

– Кальсоны тоже скидывай, а бахилы можешь оставить.

Миноукладчик подошел к крайнему пеньку и начал стягивать с себя одежду. Незаметным движением бросил под ноги кусок пилки по металлу и втоптал в торфяной покров. Насытившись брусникой, охранники уложили одежду заключенного на дальний пенек и занялись кандалами. Заведя цепь под скобу, закрыли на руках браслеты. Обреченный на мучительную смерть, сидел на пеньке, низко опустив голову. Спина и ноги то и дело подергивались от первых укусов облепивших его комаров.

– Ну, загорай! Спокойной ночи, – охранники весело рассмеялись, закинули за спины автоматы и направились в обратный путь, временами нагибаясь к кустам, чтобы сорвать сочную, спелую голубику.

Солнце скатилось за горизонт. Миноукладчик все интенсивнее подергивал всем корпусом. Комары на Севере, размером в разы превышающие своих «материковых» собратьев, тучей стали планировать вокруг своей жертвы. Атаку начали с предварительных облетов и накинлись в таком количестве, что многим не осталось свободного места на теле. В ожидании своей

очереди с пронзительным писком они кружили вокруг. Мошка, эта беспощадная тварь, находясь в постоянном поиске, зависла над жертвой гудящей тучей, образовав даже тень на земле.

Насекомые-вампиры, способные свести с ума, напали, облепив и окружив со всех сторон, начали проникать в глаза, уши, рот. Умудряясь пролезть в интимные места, разрывали нежную кожу так, что панически хотелось бежать без оглядки. Места укусов стали раздуваться, опухать. Стараясь хоть как-то отмахнуться от летающих тварей, бедняга судорожно дотянулся до ножовочного полотна и интенсивно начал перепиливать скобу. Пахарь не обманул. Толстая, на вид прочная стальная скоба, оказалась мягким, не закаленным металлом. Через полчаса она разделилась на две части. От резкого рывка кольца цепи раздвинули пропилом, и заключенный, ощутив свободу, бросился на траву спиной, перевернулся несколько раз, затем торопливо спустился к озеру и погрузился под воду с головой. Вода окрасилась кровью. Просидев недолго в озере, выскочил на берег, судорожно натянул на себя брюки, но не мог сообразить, как надеть рубаху – цепи мешали просунуть руки в рукава. Наконец, догадался. Цепь одел на шею, и рубаха накрыла плечи, прилипая к мокрому телу.

Часть 11

Вокруг стемнело, но это были еще не те темные ночи, которые наступали в сентябре. По всему небосводу протянулось гигантское черное крыло невидимой птицы, подсвеченное алыми лучами глубоко упавшего за горизонт солнца.

В это время со стороны тюрьмы начали доноситься крики, затем завывала сирена. На вышках вспыхнули прожекторы. Потревоженные бакланы, мирно сидящие на мусорных отходах, взмыли вверх и устроили настоящий птичий гвалт. Миноукладчик, раздвигая ногами кусты, бросился бежать от «ночного пляжа».

А в тюрьме происходило следующее. Ширяев закончил допрашивать очередного комитетчика, когда тот был уже не в состоянии что-либо говорить и соображать. Подошел к баку с водой и, глядя на портрет вождя, стал отмывать запачканные кровью руки. Радостная, язвительная улыбка гуляла по его лицу. «Пахарь попросил встречи. Завилял сука задом. Я сломал его, совсем не напрягаясь», – эта мысль заводила и будоражила его. Ему не терпелось увидеть лицо поверженного и униженного вора в законе. Поднявшись по ступенькам, он вышел из своего кабинета, прошел коридор и направился к двери внутреннего двора, ударом ноги открыл ее.

Солнце только что скрылось за высоким бетонным забором, отблесками отражаясь на колючей проволоке, протянутой в несколько рядов. Перистые облака зависли в небе, рисуя серебристое, гигантское крыло птицы.

Пахарь, увидев Ширяева, поднялся с земли, припадая на простреленную ногу. Одной рукой оперся о стену, другой начал поглаживать место раны, не выпуская из вида приближающегося начальника тюрьмы. Ширяев подошел вплотную к поверженному, как ему казалось, противнику и начал пристально вглядываться в его глаза, отыскивая в них покорность, смятение и страх. Но вместо этого увидел сияющее лицо, по которому гуляла ироническая, издевательская улыбка. От приступа бешенства у начальника тюрьмы стали вздуваться вены на висках, уши заложило пульсирующими ударами.

- У меня нет на тебя времени. Говори, что хотел, – он был на грани нервного срыва.
- Не гони, Хозяин. Ты zenки в гору подними. Зыришь в небе это крыло свободы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.